

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ПЯТЬ
СТИХИЙ

ВЫПУСК ВТОРОЙ
(СТИХИЯ ВОДЫ)

Донецк
«Регина»
2011

Литературный альманах «Пять стихий» выпуск второй – 2011, 116 стр.

Донецк: «Регина», 2011

Редколлегия:

Иван Нечипорук (Горловка)

Анна Шемахова (Горловка)

Иван Волосяк (Донецк)

Ирина Кузнецова (Харьков)

И вот, дорогие друзья, перед вами новый выпуск альманаха «Пять стихий». Учитывая, что у нас объявился собрат – харьковский журнал «Лава», структурно делящийся на пять стихий, мы решили в этот раз немного отклониться от традиций, поэкспериментировать, отойти от стереотипов, и посвятить этот выпуск одной стихии – Воды. В следующих выпусках альманаха мы продолжим знакомство с нашими авторами посредством других стихий.

Первая часть «Истоки» (Витоки), которая открывает альманах – посвящён украинской поэзии, вторая, имя которой «Течение» – простор для поэзии русской. Третий раздел, который представляет прозу, называется «Русло», а в четвёртом разделе работы молодых авторов – это «Притоки». Рубрика, в которой собрано созвездье произведений для детей – это «Родники». И как отзвук знакомства с журналом «Лава» и клубом «АВАЛ», отдельный раздел «Междуречье» предоставляет слово некоторым участникам фестиваля «ЛІАВ-іN-fest» - 2011.

Добро пожаловать в стихию Воды!

ISBN 978-966-7051-78-9

© Коллектив авторов - 2011

© Издательство «Регина» - 2011

ВИТОКИ

(українські поезії)

НАТАЛІЯ КОВАЛЬСЬКА

Народилася у місті Горлівка. Закінчила середню школу № 76 з поглибленим вивченням англійської мови, потім Дніпропетровський хіміко-технологічний університет, потім - Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, де в даний час і працює. Член літературного об'єднання «Забой». Автор поетичних збірок «Акварель» та «Осенний дом».

ГОРОБИНА

Мені до серця ближче горобина.
Чому? А як же вам відповісти?
Садів багато в неньки-України,
А доля їй – біля доріг цвісти.

Але вона не сердиться на долю.
Їй все одно де буде дім її:
Біля берізки, клену чи тополі –
Рясні суцвіття будуть у гіллі!

І восени вона найкраща буде:
Рясне намисто, шати різних барв...
На горобину дуже схожі люди,
В яких вогонь у серці запалав.

І хай роки летять собі без впину,
І доля відбирає знов когось...
Та ягоди палкої горобини
Стають лише солодшими в мороз.

ОСІНЬ НЕПОКОРИ

На жаль, в минуле вороття нема.
Мій вік – то осінь – невгамовний смуток.
І скоро в дім постукає зима,
Спитає: «Чи усі гріхи спокуто?»

Чи я зимі скорюся? Сивина,
Неначе сніг, просипалась на скроні.
Моя самотність – наче та стіна.
І я сама – у холоду в полоні...

Але десь там у серці, в глибині,
Не знаю як, але живе – не гасне
Маленьке, мов зерно, легке та ясне
Бажання жити. І колись мені

Захочеться зчинити бунт, війну
Собі, щоб знала, що нема повтору
І миті. Хоч не поверну весну –
Хай буде ціла осінь непокори!

* * *

Я не можу без цього жити:
У душі моїй – зорі, квіти,
Солов'їний спів і тополі,
Та хмарки, що пливають поволі...

Я не житиму без (я знаю!)
Степу, злитого з небокраєм,
Без птахів, що до сонця линуть,
Друзів, дому та Батьківщини,

Та без віршів, де слово – з серця,
Як прозора водиця, ллється.

* * *

Я завжди сам на сам, усе своє життя,
Із ворогом лихим – постійним каяттям
За біди, за гріхи чужії. Та чомусь
Так соромно мені. Мені, а не комусь!

За зламане життя, невизнаний талант,
За капелюх старий, де грає музикант,
Що знов червнева ніч отруту випива,
А вітерець легкий заносить у дома

До діточок малих хвороби та біду,
За те, що хтось вже впав, а я іще іду...
Чи зможу я колись себе перемогти
Та скинути свої кайдани самоти?

* * *

Я тобі пробачаю. Йди!
Повертатися вже не треба.
Запалила сама мости,
Щоб вогонь був завбільшки неба.

Я палкі свої почуття
Кину з серцем в багаття люте,
Зі сльозами та каяттям.
Серце – вбити. Тебе – забути!

* * *

Степ неозорий мій, степ неосяжний –
Вітру нестримного, вільного дім!
Трави шовкові Донецькому кряжу
Аж до землі уклоняються.

В тім,
Це не дивує. Немає, я знаю,
Більше ніде стільки неба, як тут!
Маки яскраво ніде не палають
Та і веселки ніде не цвітуть

Так, як в Донбасі. І сонце, стомившись,
Линучи в трави, щоб тут відпочить,
Ніби художник замріяно пише
Як палахкоче червнева блакить.

* * *

Донецький степ! Він схожий на рушник:
Яскравий, чистий, з заходу до сходу
Розстелений. І червень ще не встиг
Спалити степ безжально.

І природа
Красується під небом голубим,
Вплітаючи ромашки в трави-коси.
І п'яно озивається полин
До бджіл, що облітають медоноси.

Цей степ співає – гарно, від душі,
Збираючи у пісню різні звуки:

Он – жайворон. Он – дзвоники, хрущі...
Ти тільки слухай. Тільки серцем слухай!

І доки сонця жар не спалить степ,
І сивиною пил стежки не вкриє –
Хай степ цвіте! О, як же він цвіте!
Так тільки той, хто душу має, вміє!

* * *

Намалюй мені сніг!
Білий-білий, лапастий, пухкий.
Хай засипле весь світ!
Чистота хай панує і тиша!
Хай засне вітерець
в осоках високих легкий –
відпочине хоч раз
і віття у саду не колише.

Намалюй на снігу
візерунок тоненький слідів.
Хай це будуть твої!
Та ведуть неодмінно додому!
Намалюй як палає любов
після сказаних слів:
«Я кохаю тебе!
Не віддам ні за що і нікому!»

* * *

Осінній дощ ховає сад старий
За сіткою густою крапель сивих.
О, листопаде! Скільки днів щасливих
Цей сад подарував і скільки мрій!

Навіщо ж буревій шматує крони,
Дощ топить у сльозах палку красу?
Та раптом вітер роздягнув лозу,
Відкрив забуті вже достиглі грона

Янтарного, як сонце, винограду
Мені – за неминучість листопаду.

Цей поетичний діалог – вже третя сумісна добірка авторів. Подруги в житті, співавтори у творчості. Свій діалог у цьому номері альманаха вони представляють українською.

ІРИНА КУЗНЕЦОВА (ГРУЗДЕВА) - Член Міжнародної спілки творчих сил «Озарение», Горлівського літоб'єднання «Забой», та літо «Стражи весны». Друкувалася у журналах України та Росії, колективних збірках, альманахах, автор книжки «Это для тебя...». Живе у Харкові.

ВІКТОРІЯ ПОЛЯКОВА - Член Горлівського літоб'єднання «Забой, та літо «Стражи весны». Друкувалася у колективних збірках, альманахах України та Росії, автор чотирьох поетичних збірок. Живе у Горлівці.

Ірина Кузнецова (Груздева)

ЛЮБИТИ МОВУ...

*Здавалося - не володію мовою,
А з-під свідомості усе сплива, сплива
То голос матері, то пісня колискова,-
Такі знайомі і прості слова...*

Болить душа - навіщо ж так:
насилю насаджати мову? -
Співайте пісню колискову
дитині, як пташині птах.

Муркоче кішка для котят,
Мичить корова до теляти,
Як стежка, що веде до хати -
ніхто її туди не тяг.

Навчить любити рідний край
не можна, не відчувши ласки
матусі, бабиної казки,
не чувши, як співає гай,

Як на траві бринить роса,
як заплітає коси вітер.
Дитя в любові - наче в квітах,
веселка в небі не згаса...

Не можна силоміць навчати
патріотизму - мові крах.
Навіщо вікнам нові ґрати
Коли у хати їде дах?!

Вікторія Полякова

* * *

плями лишаються надто червоними
кров нерозбавлена ллється з аорти
і...

не зупиняється білою хусткою
чорною також

квапливими рухами
руки до горла все дужче притискую...
хрестики... кола... безодня...

за рисою
нерозуміння - за що це мені ...
і прокидаюся...

поспіхом в ніч
я промовляю: пробач! збережи!
... а біля ніг вишиванка лежить...

хто її вишив червоними вишнями,
чорними смугами, плямами сніжними?..

Ірина Кузнецова (Груздєва)

* * *

Ось вона, настала мить прощання,
Кличе в небо журавлиний клин,
Час збігає попри всі бажання.
Невгамовний, незбагнений плин

осені туманом сповиває
душу, серце і мої думки.
Вечір виграває небокраєм
і, неначе зоряні шпаки,

крила над землею розгортає. -
День згасає... Холодно вночі.
Відчуває відчай вовча зграя,
ноту "до" всім горлом беручи...

Вікторія Полякова

БОЖЕВІЛЛЯ ВЕСНИ

"Весни моє божевілля" –
Я скучила за тобою.
Зима відібрала сили:
Ціджу я отруту болю.

Зневірившись у коханні
Дивлюся на сніг торішній.
Та березень вже зітхає –
В нове божевілля кличе.

Ірина Кузнецова (Груздева)

НЕЗБАГНЕНА МИТЬ...

Несправдилося - наче й не було.
Судилося... Але не нам з тобою.
І вже такого болю набуло
Те почуття провини та двобою.

Невже ти геть не відчував тепла,
Того, що жевріло іще поволі?
Невже ти не збагнув, що я була
Не просто жінкою тобі - посланцем долі?!

Лише тепер відчув ти подих зим,-
Невже тепер в житті чогось бракує?

Життя колишне крізь образи дим
Ходою впевненою в небуття крокує.

Уже мені так сильно не болить,
З гіркою посмішкою я дивлюсь на тебе.
ТОБІ болить та незбагнена мить,
Коли душа моя сягнула неба...

Вікторія Полякова

ЖИТТЯ КРИХКЕ

Душа сягнула неба... І збагнув:
Не жінкою була я - БЕРЕГИНЕЮ.
Загинула. Загинула. Загинула!!! –
Неначе опритомніла від сну.

Життя крихке – сніжинка у руці,
Як не зламаєш, все одно розтане.
Веселкою тепер для тебе стану...
Чи будеш ти вдоволений ось цим? . .

І серце назавжди поглине ніч,
Ти усвідомиш всю безодню втрати...
У всесвіті так болю забагато!
Цю втечу в небуття пробач мені.

Ірина Кузнецова (Груздева)

ЗАПАХИ ЖИТТЯ

Ранок затишно пахне кавою,
А дитинство - теплим дощем,
Літо - маминими руками
І смачним запашним борщем,

Доля - сповненими роками,
Осінь - терпкістю хризантем
І настоящими думками
з різнограв'я буденних тем.

Щастя пахне бузковим цвітом,
Навесні шаленіє кров
І здійсненим вже заповітом
В наших дітях - сама любов!

Вікторія Полякова

* * *

Не виняток – закон життя кривавий:
Знов виберу того, хто серце звабить.
Блищить намисто помилок тотальних:
Приймаю я з одруженням вітання;
На щастя келих б'ю, за рік – тарілки.
По вуха у багні – мені все мілко.
Так радість я залишила позаду:
Він замість квітів подарує зраду.
Приймаючи її, всміхнуся «змію»
Крізь зуби: я удар тримати вмію.
Ковтаю біль, із но-шпою зручніше.
Коли ж сховаю душу в егонішу?..

ТЕЧЕНИЕ

(русская поэзия)

АННА ВОИНОВА

Родилась в Горловке в 1982 году. Лидер горловской рок-группы «ВЕНЕЦия». Пишет со школьной скамьи, публиковалась в коллективных сборниках, журналах Украины и России, альманахах. Автор сборника «Тем, кто ушел». Член сетевого лито «Стражи Весны» и ВТС «Конгресса литераторов Украины».

СЕРДЦЕ

Кровоточит ударом струны
Разрытое сердце,
Будто в нем обнаружили клад
Через сто тысяч лет,
Поросло нежным мхом,
Но не даст и секунды согреться,
И не вспомнит о том,
Что оно не давало обет.
Без пятнадцати три,
Где-то солнце уже пробуждаясь,
Строит планы грядущего дня
И грядущей чумы,
Только сердце мое,
Бесконечной возней наслаждаясь,
Сокращается чутко
И этим колышет умы.
Эти нежные чувства –
Бредни фантазии глупой,
Обнимают утробу,
Ласково глядя ее.
Изрыгаю все буйство цветов,
Всю истерику в купол,
Разрывают его на части,
Не верят в него.
И стучит оно, сердце мое –
Медленно, верно,
Не давая и шагу от метки,
От края ступить.
Что ударом струны кровоточит оно –
Это скверно,
Это скверно, что больно ему,
Что еще говорить?

Так пускай же оно
Не тревожится вновь понапрасну,
Вся удача сосредоточена
в нас самих!
Я клянусь себе в том,
Что прошлое – это прекрасно!
Я себе обещаю –
Будет лучше, чем у других!

ВСЕГО ЛИШЬ...

Всего лишь несколько минут
Нас отделяли от тумана,
Не зажила на сердце рана,
Гитары струны душу рвут.
Всего лишь несколько минут,
И алой кровью вспыхнут слезы,
Моя надежда, вера, грезы,
В момент куда-то уплывут.
Всего лишь несколько минут,
И под твоим суровым взглядом
Я упаду, и где-то рядом
Сонату Баха пропоют.
Всего лишь несколько минут,
И все внезапно канет в лету,
Мои глаза простого цвета
Чужой ладонью мне сомкнут.
Всего лишь несколько минут
Нас отделяют от тумана,
Мне как-то странно, очень странно
Лежать и тихо плакать тут...

ПОЛЗУЩИЙ В ЛЕС...

Ползущий в лес,
Дрожащий на деревьях,
Целующий персты
Уставших рук,
И целый мир
Перед открытой дверью –
Хрустальный мир
Чахоточных разлук.
В немом кино

Мы громко говорили,
Мы так орали,
Что теряли стыд.
Но наши споры
Выигрышной не стали,
Отстроив храмы
Из былых обид.

ГОРОД

Тихие стоны
Томной равнины,
Искося взгляды,
Шепот усталый,
Крик из души –
Бурлящий и длинный,
След из раны
Жидкий и алый.
Хрип изнутри
Тошный и дикий,
Не подобрать слов,
Что надо.
Небо мое
Наполнилось хрипом,
Небо мое
Разлилось градом.
И утонула
Почва в побегах,
И разродилась
Травой безумной.
Нет у меня ни еды,
Ни ночлега,
Молча иду
По дороге лунной.
А под ногами
Шипы да колючки,
От ветра подниму
Тонкий ворот,
И покину
Свой невезучий,
Упрямый такой
И родной
Сердцу город.

ИВАН ВОЛОСЮК

Родился в 1983 году в Дзержинске Донецкой области, в семье шахтёра. Выпускник русского отделения филологического факультета ДонНУ. Автор пяти сборников стихов.

Публиковался в журналах Украины, России, Беларуси, Молдовы, Казахстана, США, Германии, Австралии.

Член Межрегионального союза писателей Украины (МСПС).

* * *

Ивану Нечипоруку

В Горловке осень как свадьба, как ярмарка - все там
Парки и скверы наполнены доверху светом.
В Горловке лето, как битва, и битва, как лето,
Там без усилия можно родиться поэтом.
В Горловке могут полдня поместиться в минуте,
Утром роса на листьях будто капельки ртути.
В Горловке было б сложней отвернуться, поддаться,
Там тебе хочется быть и не нужно казаться,
В Горловке встретишь как друга врага, иноверца,
Будто в груди поместилось огромное сердце.
Там ты не скажешь: «Не буду терпеть, не приемлю!»,
Если умеешь без страха спускаться под землю.

* * *

*Прощай, немая Россия...
М. Лермонтов*

Ни Праги нынешней, ни Праге миновавшей
Нет в памяти моей, по крови я не чех,
Но прав был человек, однажды мне сказавший,
Что молится за всех.

Мне незачем писать для всех, кто на земле той
Не побоявшись жить, боится умереть?
Ты думаешь, что стих разменная монета,
Кочующая медь?

Ты думаешь, без нас Россия будет та же,
И сохранят её от всякого врага,
Но на руках моих спасительная сажа
Родного очага.

* * *

Ночь, как масло, свет режет, как нож её,
Веет страхом от тёмной воды,
Кто на небе большими подошвами
Оставляет созвездий следы?

Кто царапает вкривь его, вкось его,
Непроглядный, вселенский туман,
То играет, как ветер с колосьями,
То монеткой бросает в фонтан?

И, дремая над бездной сферической,
Там, где вечность сгорает, дымя,
Согласился на труд титанический
В шуме времени слышать меня?

* * *

Станет прохладней воздух, где-то на ветках арфы
Тайного ждут сигнала, чтобы начать концерт.
Хлынут такие звуки: длинные, словно шарфы,
Скользкие, словно змеи, легкие, как конверт.

Пей их, пока живешь ты, пей, как ночную влагу,
Я не владею в слове их мастерством на треть,
Значит, усну под утро, буду вращать бумагу,
Ты же, вращая Землю, им позволяешь петь.

* * *

В моём саду листва вчерашняя
Позавчерашнею тоской
Ещё больна, как настоящей,
Неотменённою тобой.

И удивляюсь сам, как в детстве я,
Тому, что мир уже не тот.
И лишь в саду несоответствие,
Несовпадение живёт.

Не проживешь с любовью Митиной,
Моя любовь не так горька,
Мне нужно выспаться и вытянуть
Тоску, как спицу из клубка.

АЛЕКСАНДР ГРОСОВ

Родился 20 октября 1945 года в Кабардино – Балкарии. Детство и юность прошли в селе Яблочково Шебекинского района Белгородской области. Окончил Купинскую одиннадцатилетнюю школу в 1963 г., Харьковский институт культуры - в 1971 г.

Председатель областной организации Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», председатель Донецкой городской организации Национального союза краеведов. Автор около 20 сборников поэзии и прозы: «Светлые ключи», «Окна», «Зигзаг», «Россыпи», «Только ты», «Струны сердец», «Дивосвіт бібліотек», «Боль», «Ступени», «Горькая правда войны», «Помнить, чтобы жить» и др.

Лауреат межрегиональных литературных премий им В. Сосюры и Ю. Каплана, областной – им. В. Шутова, премии РФ им. Л. Н. Толстого, награждён орденом «Бронзовый Козацкий Хрест», знаком «Почесний краєзнавець Донеччини».

ДОНЕЦКУ

Мой Донецк, жемчужина степная,
Сказкой ты живёшь в моей судьбе,
Вешним садом с края и до края,
Звонами в хрустальном серебре.

Как с тобой светло, легко и свято,
Мне понятны даль твоя и быль...
Воздух здесь напоен дикой мятой,
Стелет в ноги памятью ковыль.

Улицы в туманы заплывают
И цветут Жар – птицей по весне,
Кальмиус волной мечту качает,
Шепчут что – то звёзды в вышине.

Терриконы в небо взмыли красками,
Яркий свет струится из окон...
Петь хочу, тобой облаканный,

Красотой твоей заморожен.

Каждый в нём добрей, нежнее, чище,
И вдруг притчи сущность поймёшь тут:
«Коль есть счастье – счастья не ищут,
И от счастья люди не бегут!»

В вечность тобой гордо вписана страница,
Для родни открыт ты и друзей...
Город мой! Шахтёрская столица,
Праздник прошлых и грядущих дней!

МОНОЛОГ УШЕДШЕГО В БЕССМЕРТИЕ

Солдат многих сгубила война,
Не вернулся и я с поля брани...
Если вспомните всё же меня,
То сегодня я здесь, вместе с Вами.

За накрытым сажу я столом,
За Победу 100 грамм поднимаю,
Об ушедших скажу: « Помянём!»
И за плечи живых обнимаю.

Расскажу о друзьях фронтовых:
Как отважно с врагами сражались,
С неба падали птицей на них
И с гранатой под танки бросались.

Жизнь свою не щадили в бою,
Бились так, что земля содрогалась,
Мы Отчизну спасали свою,
Месть святая нам силы давала.

Был приказ, чтоб « Ни шагу назад !»,
Сокрушить... И дойти до Берлина.
Всю Европу прошли в сапогах...
Только мать не увидела сына...

Может быть я остался в сердцах
Или фото в семейном альбоме,

Искрой пламени в « Вечных огнях»,
Гимнастёркой в родительском доме ?

Не узнаю, кем стал теперь я –
Может символом, может стихами?
Если вспомните всё же меня,
То сегодня я здесь, вместе с Вами!

СВЯТОЕ СЛОВО - ДОБРОТА !

Есть спор двух душ - о красоте и доброте...
Что мир спасёт и встанет у истока,
И будет жить без временного срока,
В безликой не исчезнет пустоте?

Знай истину : с добром - наш путь прямой,
Оно всегда соседствует с прозреньем,
Хоть незаметно нам его передвижение –
Добро естественно и вечно под луной.

Как важно то, что призрачность красот
Нам не рисует кисть воображенья,
А только чуткость, жалость и прощенье...
Глаза подыметь - дерево растёт!

И доброта пронзительней красоты –
Здесь сострадание всегда преобладает,
Где в унисон другой душе - душа страдает,
В ней благодать божественной росы...

Она не знает зависти и злобы –
Ведь нету чувства доброты святее,
С ней человек становится сильнее...
Добро - мерило высочайшей пробы!

НАТАЛИЯ ДЁМЧЕВА

Родилась в 1949 году в городе Джезказган (Казахстан). Детство и юность прошли в Украине. Закончила фармацевтический факультет Курского государственного медицинского университета, по специальности – провизор. Публиковалась в журналах и альманахах. Автор нескольких поэтических сборников. Является членом Всероссийского Союза писателей «Воинское содружество», литстудии «Взлётная полоса» при Союзе писателей России и Горловского лит объединения «Забой» (Украина). Живёт и работает в городе Липецке.

ГОРОД ЛИП И ТОПОЛЕЙ

Не нужно мне Парижей и Америк
С уютом пятизвёздочных кают.
У каждого есть свой заветный берег,
А я корнями зацепилась тут.
Мой пыльный город тает в сизой дымке
Всем здравым смыслам жизни вопреки,
Под вечер исчезая невидимкой,
Под утро оживая у реки.
Гремят ночных трамваев колесницы
И будоражат сонные мосты.
Летают, словно раненые птицы,
Засохшей липы ржавые листья.
Здесь, задыхаясь тополиным цветом,
Встают вдоль нашей жизни как столбы
Багровые закаты и рассветы
С дарами и ударами судьбы.

ГЕРАНЬ

На окне герани, по стакану – грани,
С хлором атомарным в чайнике вода.
Хлопья исчезали из дешёвых гранул.
Фильтр-пакетик рваный таял без следа.
Обжигались чаем. Не краснея, ввали.
Муха трепыхалась меж оконных рам.
Вечные проблемы. С деньгами пробелы.
Ярким опухалом на окне герань...

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Сжаты створками ставни.
Несмотря на июль,
Мёрзнут в узенькой спальне
Шторы, прячась за тюль.
Книгам тесно на полках
Среди зла и добра.
Серым сказочным волком
По стене рыщет бра.
На краю пианино,
Презирая невежд,
Созерцает Мальвина
Складки пышных одежд.
Клавиш строгие шпалы
Влюблены в акварель,
Где салатным и алым
Разукрашен апрель.
Гостевые пенаты.
Блики ластятся в щель.
В распашонке помятой
Гном качнул колыбель.
Старомодная Фея
На осколки сердец
Всё меняет: от фена
До венчальных колец.
Тихо скрипнула лестница.
Чей-то радостный смех
Превратила волшебница...в снег.

ТРАМВАЙНОЕ КОЛЬЦО

Весенний перезвон ласкает город.
Бурлит рекой трамвайное кольцо!
Народ крикливый - суетлив и молод,
И очень симпатичен на лицо.
Рабочие, колхозницы, студенты
Перемешались в праздничной толпе.
В рекламную мозаику одетый,
Бежит трамвай по узенькой тропе.
Спешат на шпильках юные принцессы,
Как на пуантах, в дефиле пройти.

За ближний поворот уходят рельсы.
И нам с тобой сегодня по пути...
И с трепетной рукой соприкасаясь
Под звуки оглушительных сирен,
Мы говорим, смущённо улыбаясь,
Про белую, как облако, сирень.

ТОПОЛЬ

Заполонило тополиным пухом
Балконы, форточки, подъезды, этажи...
Не мудрствуя лукаво, ходит глухо
Пила по старой кроне и визжит.

Повергнут ствол раскидистого древа
И расчленён на радужные пни.
Притихла липа на подворье слева,
Оставшись в одночасье без родни.

Но надо цвести, презрев людское жлобство,
И прозябать на мусорной мели.
...Казнили дерево за тень и неудобства,
Доставленные жителям Земли.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Грозовые дожди сходят плотной лавиной,
За карнизы цепляясь тяжёлой тесьмой.
Водопад, преисполненный щедрости львиной,
Оставляет покорную сушь за кормой.

И никто над внезапной стихией не властен:
Ни крутой экстрасенс, ни досужий народ.
Превращаются туфли в огромные ласты,
А трамвай – в неуклюжий речной пароход.

Наводняются трюмы водой до предела.
Мировой океан выплывает на мель.
В тонком платье упругим становится тело.
В лужах пенится мутный, холодный коктейль...

ОКСАНА ЕГОРЦЕВА

Родилась в 1984 году в г. Горловка. Выросла в шахтёрской семье, имеет высшее экономическое образование.

Публиковалась в альманахах «Восхождение», «Пять стихий» и «На крыльях Слова», сборниках «CHARACTERE» и «AMICITIA», «Чёрные рыцари Донбасса», журналах «Страна Озарение» и «Союз писателей». Автор поэтического сборника «Багряная осень».

Член Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Горловского Лито «Забой» и сетевого лито «Стражи весны».

СМЕНА

Чернее чёрта, так же зол
Шахтёр, когда пласты он рубит,
Когда вдруг узок станет ствол,
Когда вдали грохочет Шубин.
Там, под землёю, темнота,
Ни капли света, пыль с жарою,
И только лучик фонаря
Горит единственной звездой.
Ты знаешь, это не конец,
Ты с этой шахтой кровью связан:
Работал дед твой и отец,
Ты тоже здесь, как по приказу.
Но поднимаясь «на-гора»,
С улыбкой в бане пот смывая,
Ты скажешь: «Всё, домой пора...
И всем удачи я желаю...»
Закончил смену, путь домой
Лежит знакомою дорогой,
И твой хранитель, ангел твой,
Идёт с тобою рядом, в ногу.

ШАХТЁР

Уже под шестьдесят ему,
Виски от времени седеют,

Рука привыкла к молотку,
Душа всё та же – не стареет.
Вот он – заслуженный шахтёр,
Что под землёй не год работал,
Ему знаком со смертью спор
И уголь добывал он потом.
Вновь сердцем рвётся на наряд,
Жена и дочь его ругают,
Он отвечает, пряча взгляд:
«Шахтёров бывших не бывает!»

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ

Подкрашены глаза от шахтной пыли,
Отметины на теле и руках.
О «кочегаровцах»¹ уже давно забыли,
И чтобы выжить, люди – на свой страх –
Залазят в «копанку»² и добывают уголь:
Его официальным не назвать.
И зверем раненым забьётся в дальний угол,
Творя молитву, старенькая мать.
Она украдкой слезу смахнёт рукой:
Ну почему? Зачем закрыли шахту?..
Сегодня сын вернётся к ней живой,
А завтра – снова бой... Опять на вахту...

¹ Кочегаровцы – работники легендарной шахты «Кочегарка»,
ныне снесена с лица земли.

² Копанка (диалект.) – нелегальная шахтёнка.

РЕВИЗОРАМ

Кто говорит, что ревизор богат
И что лопатой денежки гребёт?
Без почестей и премий, без наград,
Устало вечером домой к себе бредёт.
А в сумке – черновик его проверки,
Набросок наработанного днём:
Вопросы и ответы, планы, сверки,
Бюджетный Кодекс¹, «нормативки» том.
Всё это выучить ему на память надо

И не забыть контроль отправить в срок.
А дома только плитка шоколада,
Компьютер... И будильника звонок...

¹ Бюджетный Кодекс, вступивший в силу с 01.01.2011, был опубликован «для ознакомления» в начале августа 2010 г. на 155 страницах и к нему – в конце августа – ещё на 15 страницах дополнений и изменений.

БУХГАЛТЕРСКАЯ «ВОЙНА»

Отчёт квартальный. Обложусь бумагой
И калькулятором опять вооружусь
И с упоением, желанием, отвагой
Над цифрами и формами тружусь.
Ведь бухгалтерия точна, как ни крути,
Но округления заводят всех в тупик:
И два плюс два равняется пяти,
А надо – четырёх: так мир привык.
И бьёшься с цифрами – противником немым –
Как быстро время всё-таки течёт:
Сегодня квартал, кажется, «закрыл»,
А завтра снова – месячный отчёт!!!

ВОЗРАСТ ПОЭТА

*«Как любому поэту – мне 17 лет!»
Енакиевский поэт Юрий Орлов*

Я чувствую себя на 42...
А мне 17, мне опять 17!
В душе и в сердце вновь цветёт весна,
И хочется и плакать, и смеяться.

Сегодня я мудра – мне 75,
Сыграю завтра в «классики» с детьми...
Поэта возраст сложно угадать:
По паспорту мне нет и тридцати!

АНДРЕЙ ИКРИН

Родился в 1971 году в г. Горловка. После окончания ДонГТУ работает угольной промышленности. Участник литдвижения с 1988 года, член Горловского литературного объединения «Забой». Имеет множество публикаций в периодической печати, коллективных сборниках, альманахах.

* * *

Открыть глаза,
И двери отворить,
И свет впустить,
И стать его частицей,
Связать почти порвавшуюся нить,
И дописать забытую страницу,
Увидеть то, что долго моего
Придирчивого взгляда избегало...
Открыть глаза, хотя бы лишь всего
Я думаю, не так уж это мало.

* * *

В менюэте снежинок,
В холодных глазах облаков.
В одиноких деревьях
Свершающих медитацию,
В этом городе сердца,
Чей пульс - это звуки шагов
Под мелодию ветра
Мне выпало вечно скитаться.

МУХА

Обычная муха стать птицей хотела
Но не получалось. Её, то и дело,
Гоняли и били, порой, чем попало
Жужжаньем своим она раздражала.
О ней говорили: «Чудная, дурная!»
В открытую дверь улетать не желая
Она долго билась башкой о стекло.
И в жизни всё время ей так не везло:
Лишь только садилась, неважно куда,

В дерьмо попадала везде и всегда...
Она поняла, что есть счастье на свете,
В грязи и в крови, на старой газете,
Крылышком слабо пред смертью шурша –
И в птицу ее превратилась душа.

* * *

Не будем приближать
Минуту расставанья,
Не будем раздувать
Огонь былых страстей,
Не будем затевать
Пустое покаянье,
Но чувство к Вам моё
Всё больше и нежней.
Я думаю о Вас,
Со мною Вы незримо.
Вы призрачный мой свет,
Мой гений, божество,
Из золота стрела,
Что пролетает мимо,
А я – как грустный сад
С опавшею листвою.
Я жажду Ваших глаз –
Узреть былую радость,
Я жажду Ваших рук –
Почувствовать тепло,
Я жажду Ваших губ –
Испить хмельную сладость,
И верить не хочу,
Что всё давно прошло...

* * *

Белым по чёрному - снег,
Чёрным по белому - след.
Чёрного времени бег,
Эры безвременья бред.
Жизни безудержный тлен
Серым по чёрному - миг...
Рвётся на волю из вен
Красным по белому - стих.

ЕЛЕНА КОЗЫРЬ

Родилась в городе Горловка Донецкой области. Училась в Харьковском автодорожном институте. После окончания института работала в Горловской автобазе. С 2000 года менеджер компании «Орифлейм». В литобъединении «Забой» с марта 2008 года. Печаталась в городской и всеукраинской периодике, в альманахах «Восхождение», «Пять стихий», в коллективном сборнике «Опять весна на белом свете».

* * *

*...мы не единого удара
Не отклонили от себя.
А. Ахматова*

Под петлёй и крестом чёрной шали
Слов печально-пророческих связь.
Нам с тобою проститься мешали
На вагонах решётки и грязь.

Второпях вороньё загалдело,
Распоров поднебесную твердь.
Мы вспорхнули с тобой неумело,
Попытавшись из ада лететь.

А потом изменили походку
Кандалы и конвойного плетъ.
И до боли знакомая тётка,
Матерясь не дала умереть.

* * *

*БОМЖ – человек без определённого
места в жизни.
Перифраз А. Гланца*

Не просит милости поэт:
Задиристый, седой.
Герой падений и побед

В миру давно изгой.

Вцепилась намертво беда,
Зафлажен, загнан... Бред!
Злодейка – память молода
Берёт, как прежде, след.

Звенят диагнозов врачей
Почти как ордена.
Из всех услышанных речей
Петлёй лежит одна.

И не по статусу ответ
На злобное: «Молчать!»
Дырой клянётся от штиблет:
«Не пробовал мычать!»

* * *

Короткий дождь, до пят в тумане,
К закату лета моросит.
Красотка в бабьем сарафане, -
- Останься! – издали басит.

А осень, в роли стриптизёрши,
Импровизируя весну,
Вдогонку парочке замёрзшей
Бросает с вызовом весну.

И, словно клавиши, на лужах
Перебирает под дождём.
А мы дурачимся и кружим,
Вприпрыжку по небу идём.

* * *

Рыже-оранжевый тон...
Проседь в полях отголоском.
Белой вороны фантом
Высветил в небе полосу.

В рамах размытых картин
Стынут кусты и деревья,
В грудь обнажённых рябин
Врезался след ожерелья.

* * *

Наталии Ковальской
(сб. стихов «Осенний дом»)

В осенний дом, в течение суток
Вхожу. Там в бликах на огне
Ворчливый чайник , вспыхнув круто,
Над чашкой кланяется мне.

Вспугнув накормленную кошку,
Кукует время на стене.
С надрывом растянув гармошку,
Пророчит вечер в тишине.

Окончен давний спор с судьбою:
Где мой очаг, земная ось.
Оставлю слово за собою
С заглавной литеры: «Сбылось».

ГАДАНИЕ

Чёт-нечет, привязь или связь?
Медяк подбросив судный,
Тень между нами улеглась
Под перезвон посудный.

Два силуэта смотрят врозь
В кофейной липкой гуще,
Ползут шесть литер вкривь и вкось
По стенке в день грядущий.

ЕКАТЕРИНА РОМАЩУК

Родилась 20 марта 1985 года в городе Горловка. Член Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Горловского литературного объединения «Забой» и сетевого лито «Стражи весны». Заочно учится на украинском отделении ГГПИИЯ. Публиковалась в городской и всеукраинской периодике. Участница Съезда молодых литераторов Донбасса – «Славянск – 2008». Автор поэтического сборника «Рассвет».

СТАРЧЕСКОЕ

Мне сняться сны о преданной любви,
Где я тобой так искренне любима,
А вот проснувшись, как не позови,
Ты не придёшь... И жить невыносимо.

Я вижу сны о сказочной весне,
Где в первой травке утопают ноги...
Проснувшись - за окном увижу снег
И ни одной протоптанной дороги.

Спина согнулась - давят вниз года
И мне уже никак не разогнуться,
А вот во сне я вечно молода...
И как же мне не хочется проснуться.

УХОДИ

Уходи. Замыкая все двери
На замки не случившихся встреч.
Значит столько нам счастья отмерил
Кто-то свыше. Ему не перечь.

Уходи. Никогда не вернувшись
Даже к этим наивным стихам
И друг к другу пришитые души
Разорвать попытайся по швам.

Не смакуй эту боль по мгновеньям,
Мне ведь тоже, поверь, не легко.
Даже мысль о твоём промедленьи
Тяжелее десятка оков.

Уходи. Навсегда обрезая
Все пути к возвращению назад.
Мы ведь знали, что яблоки рая
Непременно отправят нас в ад.

* * *

Не суждено нам быть с тобой
И в этом нет твоей провинности.
Мне мало чувствовать любовь –
Мне нужно быть *необходимостью*.
Прими с достоинством отказ
На нежные твои признания.
Мне мало быть в объятии фраз –
Мне нужно жить *на подсознании*.
Мне жаль твоих незрелых чувств,
Но если птицу – только синюю.
А всё чего в любви хочу –
Для одного, но быть *богиней*.

ПРОСТИЛА

Я простила тебя за всё...
За измену и ревности боль,
За раздумья, что ночь принесёт
И за то, что не верю в любовь,
За устало стучащий рассвет,
За скулящий от страха закат
И за то, что при слове: "Привет"
Ты отводишь предательски взгляд.
За обиды, что отдал "любя",
За разлуку и горя зенит...
Но за то, что простила тебя
Я себя не сумею простить.

МОЁ СЧАСТЬЕ

Не тронь моё счастье пальцами -
От них остаются следы.
Пусть мысли слепыми скитальцами
Пройдут, не заметив беды.

Никто до тебя не рассказывал
Так нежно о зрелой любви.
Пусть счастье насытиться фразами
Без страха себя отравить.

Я больше не думаю временем
И опытом прошлых "вчера".
Не тронь моё счастье сомнением
И грязью возможных утрат.

Смертельно тобой заболевшую
Прижми, как ребёнка, к груди.
Пошлём все прелюдии к Лешему...
Счастливых не будут судить

Я СТАВЛЮ ВМЕСТО СЛОВ ЛЮБВИ ПРОБЕЛ

Я ставлю вместо слов любви пробел.
В моей судьбе невидимая кража.
Ты душу прочитал мою сумел...
И выставил её на распродажу.

Мои надежды, чувства и мечты
Ты отдал на людское растерзанье.
Ты исчерпал меня до пустоты,
Оставив лишь железное сознание.

Ты вынес всё, что выносить нельзя,
А ведь душа не может быть бескрайней.
Нет больше «нас»...Теперь есть «ты» и «я»...
Хотя и это для тебя не тайна

МАРИНА СУХОТЕПЛОВА

Родилась в г. Енакиево. Пишет стихи, публицистику. Работала журналистом в газете "Енакиевский рабочий", на городском радио, сейчас – корреспондент газеты "Дзержинский уезд". Публиковалась в коллективных сборниках, в альманахе «На крыльях Слова», в журналах "Донбасс", «Лава». В 2007-2009 годах возглавляла Енакиевское литобъединение "Родник". Участница съезда молодых писателей Донбасса "Славянск – 2008". Член литобъединения «Стражи весны».

ТВОРЧЕСТВО

Бесконечность ночей, одиночество, глупый страх смерти,
все, что принято прятать подальше, за крепкий замок,
размотать, и дойдя, наконец, так до самого сердца,
в сердцевине его обнаружить лишь новый клубок.
Заплести нити вновь, не считаясь с годами, настроясь
на единственно нужный, как кажется, правильный лад,
с глупой бабьей надеждой: теперь-то связала на совесть,
с вечной бабьей тоской: не пришлось бы опять расплетать...

ШАГ

От нежности - один шаг
до раскрытых в надежду окон...
И я делаю шаг - спеша -
только чтобы не быть одинокой,

и я делаю шаг - еще?
Но свет в окнах все дальше, дальше...
И глазам горячо, горячо
от нахлынувшей в сердце фальши.

НИТЬ

В предвкушении разлуки вьюга
зарывает следы в снегах.
Мы стоим - друг напротив друга,
ну а в будущем - два врага.
Что нас связывает, что осталось?
Только нить в ослабевших руках,
чернота зимней ночи, усталость,

виноватая боль в глазах.
И не зная, на что решиться,
я стою и держу эту нить -
слишком слабая, чтоб проститься,
слишком гордая, чтоб простить.

* * *

Д.

Никому ничего не обещано.
(Как когда-то с другим, точь-в-точь...)
Но сегодня я - только женщина,
просто это такая ночь.

Позабывтое - возвращается! -
в веренице бессонных ночей.
Засыпаю, ни в чем не раскаявшись,
на ... не важно, на чьем плече.

И КАЗАЛОСЬ, НАС ТОЛЬКО ДВОЕ...

Серым взглядом смотрело небо
сквозь продрогшую муть ветвей.
Растекалась по телу нега,
день сырой растворялся в ней.
Прижимаясь к груди плотнее,
сладко чувствовать сердца стук,
лежа в ласковой колыбели
самых нежных на свете рук.
И казалось, нас только двое
в тихом мире, где серый цвет,
растекаясь по небу, сводит
этот день, хрупкий день, на нет.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Я иду по аллее – легко, торопливо,
мне прошепчут деревья, что скоро зима.
Эта осень со мной так безбожно правдива,
эта осень со мной так бесстыдно пряма.
Отлетает листва, словно эхо от крика.
Скоро лягут сугробы, где были цветы.
Эта осень пройдет, да и эхо утихнет,
словно нити судьбы, обрывая мосты.

СЕРГЕЙ ЧАЙКИН

Родился в 1983 году в городе Запорожье. Закончил Запорожский НТУ, по профессии - конструктор. Пишет стихи, музыку, занимается живописью, играет в запорожской рок-группе «Солярис». Участник сетевого литературного объединения «Стражи Весны». Публиковался в журнале «Союз писателей» (Россия).

ЭРА РЫБ

Рыбе так хочется вынырнуть из глубин,
Рыбе так хочется выяснить суть вещей,
И океан затошнил уже голубым...
Есть ли у жизни какая-то цель вообще?

Создал убогой вселенную наш Рыбог,
Даже рождённые плавать идут ко дну,
Истину прячет поверхность – один рывок...
Жаль только, на руки жизнь выдают одну.

Вот почему так легко рыба лезет в сеть:
Сеть дарит вечный покой в жестяных гробах,
Червь на крючке искушает, конечно, всех –
Рваные рты покарает в котле Рыбак.

Рыбе сказали: покайся, тебя простят!
Раньше узнает, за что – будет лучше ей,
Рыба, хоть с виду бесстрастна, кипит в страстях,
Сущность греховная мечется в чешуе.

Чувствовать – это не то же, что понимать:
Видеть, как то, что посеяно, проросло.
Редкостный дар есть у рыбы – она нема,
Чтобы не выпачкать истину в серость слов.

Нет выше счастья, чем праведно чтить завет,
Каждый себе выбирает свою тропу,
И окрылённая рыба несётся вверх,
А из спины вместо крыльев торчит гарпун.

ГОРОД Z

Город. Небеса из стали
Тяжело лежат на крышах,
Через трубы-инсулинки
Дозы дыма принимая.
Их давно забыли стаи,
Ветер голосом охрипшим
Из глухих углов скулит им,
Что ему милей прямая.

Город – каменная шуба,
Душный тамбур, дыба быта,
Прёт упрямою щетиной
Из поверхности планеты.
Город состоит из шума
Улиц имени забытых,
В чьих руках неощутимы
Ни часы, ни километры.

Время видит совершенство
В тихой мудрости развалин,
Не спеша снимает стружку
С юных стен, стоящих гордо,
И его неслышный шелест
Рваным ритмом дней раздавлен –
Так ворчит бывалый грузчик
От призывов сдвинуть горы.

Город – это метастазы
Суеты и ложных целей,
Кашель – жалкая попытка
Независимости лёгких.
Здесь в сторонке не остаться –
К каждому прицеплен ценник,
Судьбы на цвета скупы, как
Непроявленные плёнки.

Что есть люди? Просто корм для
Ненасытного колосса,

Глупый рудимент природы,
Выбравший тюрьму навеки.
Город в нас пускает корни,
Дарит свет в конце колодца,
Без него – ни троп, ни брода...
Грянем «Ave Муравейник!»

ИнфинитиВ

Съедает тоска безо всяких причин,
Гоняет по кругу судьба-астероид,
И жить – всё равно, что таскать кирпичи
Для замка, который никто не построит.

Безумно плодить отпечатки себя
Во всём, что протянет хоть чуточку дольше,
Выписывать щедро грехов векселя,
В безликом строю порождая чудовищ.

Им нет грунта мягче поверженных тел,
Но слишком капризны судьбы коридоры:
Вдруг нить Ариадны, мелькнув в темноте,
Сомкнётся на шее шарфом Айседоры...

Я переболел жаждой первых полос,
Желанием марионеточной воли,
Когда, чтобы совести крепче спалось,
Срываешь овалы с гордостью моли.

Налипли на днище ракушки вещей,
Стандартных стремлений, проблем, обещаний,
Я сам незаметно почти что исчез
Под этими, ставшими мною, вещами.

Всё в прошлом, и я никуда не спешу.
Ни сил, ни желаний – пустая обойма.
Назойливой мухой реальности шум
Вползает в мой мир по линиям обоям.

РУСΛΟ

(проза)

АЛЕВТИНА ЕВСЮКОВА

Родилась 18 сентября 1945 г. в городе Прокопьевск (Россия).

Биография: медсестра, агроном, пенсионер. Член МСПУ, КЛУ, редактор на литературном сайте «Свой вариант»

Публиковалась в альманахах и коллективных сборниках Севастополя, Крыма, Украины и России (свыше 20 сборников); в газетах: «Литературный Крым», «Севастопольские известия», «Флаг родины». Лауреат фестивалей «Пристань менестрелей» и «Чеховская осень», победитель конкурса «Золотая строфа».

ПРОША, ПРОША...

Его называли Прошей. Эдуард Владимирович привёз его домой такого жалкого, дрожащего всем своим крохотным тельцем, с едва открывшимися миру мутно-зелёными глазами. Он, жалобно мяукая, пытался приткнуться к тапочку своего спасителя.

– О, Господи, Эдик! Где ты его взял?

– Нашёл, Катюша, нашёл. Не смог пройти мимо.... Уж очень он мал и жалок.

– Ты же не любил животных...

– Вот, только не надо риторики. Любил – не любил. Я не был готов нянчиться долгие годы: работа и прочее. Вот и сопротивлялся Иришкиным желаниям, а позднее и прихотям внука. А может, я раскаиваюсь...

– Ну, принёс, так и ухаживай.... Я-то больше по больницам обитаю – сам знаешь – не до того мне...

– Конечно, Катюш, конечно же. Вот и молока купил. Да оно, на мой взгляд, холодноватое для него. Может быть его подогреть?

– Обязательно, Эдик. Он же совсем маленький – простынет от твоего холодноватого молока.

– Ну, ладно, не ворчи, Катюша, всё сделаю как надо. И, конечно же, куплю все кошачьи прибамбасы. Вот, только перекушу.

Напоив котёнка, Эдуард Владимирович поместил его в коробке, и отправился в гипермаркет.

Проша, так его называли из-за требовательного напоминания о себе, рос быстро, стремительно набирая вес. Чёрный, как антрацит, он, озорно поблескивая светящимся взглядом зелёных глаз, постепенно обследовал пространство трёхкомнатной квартиры и все её закоулки. Не было места, где бы он не успевал натворить дел, причиняя хозяевам массу хлопот. То прочно застрял между звеньями горячего радиатора и истошно вопил до тех пор, пока его не удалось высвободить. То свалил с полки батареи коробок с обувью, слетев вслед за ними и угодив прямо в ведро с подхлорированной водой для

мытья пола. То прыгнул с посудных антресолей в медный таз с остывающим черничным вареньем, жалобно попискивая от тщетных попыток выкарабкаться.

А однажды, забравшись на самый верх мебельной стенки, застрял в узком пространстве между нею и стеной. Екатерина Михайловна, наглотавшись лекарств от приступов гипертонии и стенокардии, не могла пошевелиться. А супруг изнывал от изнуряющей изжоги и давящих спазмов в желудке. Пришлось звонить дочери с зятем и соседу, чтобы отодвинуть массивную мебель и вызволить перепуганного чертёнка, как выразился Прошкин благодетель.

Но всё это принято считать неизбежностью, связанной с появлением подобного рода существ. А вот у этого индивида была одна умопомрачительная и непредсказуемая особенность. Сосательный рефлекс достался этому существу от природы, но по непонятным для него причинам не был реализован с кошачьей мамой, исчезнувшей неведь куда. И Прошка с первого же дня проявил его на своём покровителе, а вернее, на его любимых старых шерстяных спортивных трико. Видимо, он сразу же окончательно и бесповоротно решил «уматерить» своего благодетеля вместо настоящей матери. Для реализации своего намерения Проша посчитал, что в самый раз в данном случае подойдут штаны Эдуарда Владимировича.

Наверное, здесь надо упомянуть об одной немаловажной детали – об образе жизни самого Эдуарда Владимировича. Он и в былые-то времена любил поваляться с газетой в руках на диване, расположенном перед тумбочкой с телевизором. А уж когда ушел в отставку, то и вовсе узаконил этот вид коротания бесконечно длинных дней. Покидал диван Эдуард Владимирович по причине возникновения чисто физиологических потребностей. И лишь иногда, по принуждению, спровоцированному с чьей-либо стороны. Это, стало быть, при возникновении острых по злободневности обстоятельств, инициируемых со стороны близких; или когда любимая им супружница взыскательно назидала. А именно:

– Эдик, ты не устал лежать? Отдохни-ка чуток – сходи, пожалуйста, в супермаркет. У нас кончились запасы продуктов. Вот и список.

– Катюша, так я же недавно...

– Это было, Эдик, не недавно. Это было, мой дорогой, давно!!!

– Надо же, как время летит...

Но, поскольку выручать его в столь пожарный момент было некому, то ему ничего не оставалось, как, вздыхая и кряхтя, поднимать своё тощее тело с дивана. Неторопливо облачив его в хорошо сшитый костюм (непрененно с галстуком), слегка сдвинув свою любимую фетровую шляпу набок, и, повернувшись перед трильяжем и так, и эдак, он спешил сообщить:

– Катюша, я готов, дорогая.

– Слава Богу, Эдик! И, пожалуйста, не забудь купить туалетную бумагу, салфетки с бумажными полотенцами, моющие средства и пакеты для мусора, о которых ты вечно забываешь.

– Постараюсь, Катюша.

– Да уж постарайся.

И, конечно же, придя домой, и облачившись в привычный «наряд», он, как всегда, спешил принять горизонтальное положение на излюбленном, хотя и давно продавленном, диване, не забыв прихватить с собой криминальное или иное чтиво и, обязательно, толстенный экземпляр кроссвордов.

Ну, а с тех пор, как в доме появился Проша, то и он, тотчас спешил удобно примоститься где-либо у ног своего кормильца, и, выбрав удобное для него место захвата ткани штанов, предварительно прожевав эту часть ткани, принимался сосать, самозабвенно прищурив посололевшие глаза, и мирно урча. С тем и засыпал, чем напрягал Эдуарда Владимировича, обрекая его на неудобства, лишая его комфортного отдыха, в котором он так нуждался. Эдуарду Владимировичу надо бы повернуться на другой бок, или принять иную позу, удобную для него – а не тут-то было.... Ведь, тем самым он потревожит спящего бесёнка, и примется этот бесёнок искать новые полигоны и объекты для экстрима(!) В итоге, ему же, Эдуарду Владимировичу, приходилось невольно расставаться с кроссвордом ли, или с понравившейся телепередачей, а то и с транслируемым сногшибательным международным футбольным матчем, и, вынужденно покинув своё лежбище, принимать экстренные меры. В результате, на любимейших трико Эдуарда Владимировича образовалось множество выпуклостей подозрительно странной формы для чужого взгляда, по цвету отличающихся от остальных частей ткани, пока ещё свободной от посягательств этого маленького, но весьма преуспевающего экзекутора.

Проша вырос и уже давно. Но его резвость не поубавилась, хотя уже и поступь его стала тяжелей и, казалось бы, солидней. А мощность его движений действовала более разрушительно на предметы быта, долженствующие создавать определённую гармонию уюта квартиры. Но в какой-то из моментов они были избраны Прошей для его неистощимых происков. Результаты его посягательств на целостность этих вещей или посуды были в лучшем случае обескураживающими, либо гибельными. Благо всякой посуды, статуэток и сувениров фарфоровых, пластиковых, гипсовых и иных было множество. Мода в прежние времена диктовала хозяйкам домашнего быта условия следования ей. И Екатерине Михайловне не удалось избежать её влияния. Поддавшись искушениям, она не думала – не гадала, что её вкусы совпадут в необозримом будущем с чьими-то другими. Теперь же это стало очевидным фактом, ибо Проша, совершенно для неё неожиданно «обращал внимание» на самые любимые предметы её богатой коллекции. А результаты его «поклонения» перед ними становились разрушительными.

- Эдик! Да уйми же ты своё чадо, ради Бога! Спасу нет от него!
- Катюша, что я сделаю?
- Что, что!? Возьми его к себе, погладь и положи с собой! Когда он спит – тебе же спокойнее.
- Да уж... Мои штаны...
- Вот-вот, твои штаны! ... Они, единственное, что спасает нас с тобой.
- Катюша, не надо издеваться над пожилым человеком...
- Это я издеваюсь?! Это твоё чадо издевается над нами!

А чадо, притомившись от столь энергичных происков и суеты, будто только и ждало, когда радатель возьмёт его на руки. Неважно, что нередко и за шкуру, и неважно, что и потреплет весьма для него чувствительно, что само по себе неприятно и болезненно. Но что поделать с подобной неизбежностью? Надо терпеть... Он-то знал, что, в конце концов, его непременно начнут гладить. Тут уж он, насладившись лаской, от чего невозможно было не заурчать, испытывая восхитительное удовольствие, обязательно присасывался к очередному бугорку ткани и мирно засыпал, очевидно, в полной уверенности полагая, что ничто и никто не помешает его блаженству.

Но пришло время, когда наступил момент весьма важный в кошачьей жизни. Природа чувств даёт о себе знать, пробуждая всевозможные инстинкты, иногда оказывающиеся тревожными и болезненными для подобного рода существ. Но, к удовольствию или к досаде, они неизбежны. И снова, неистощимый на непредсказуемые фантазии (теперь уже не чертёнок, а чертяка), Проша выбрал себе в «подруги» одну из ног того, кто на протяжении его непростой и бурной жизни исполнял материнские обязанности.

Здесь стоит упомянуть о том, что выросший в квартире кот до безумия боялся очутиться за дверью, хотя бы на короткое время. Когда Эдуард Владимирович пытался приучить Прошу к прогулкам во дворе, то тот, едва очутившись в коридоре, а тем паче в лифте (их квартира была на девятом этаже), неистово вопил, судорожно цепляясь когтями в своего попечителя, и остервеннело царапая его. Пришлось оставить эту затею.

Но зато Проше понравились прогулки по странному для него архитектурному сооружению (скорее, на мой взгляд, излишеству) в виде карниза, беспрерывно тянувшегося по периметру всех этажей девятиэтажного дома. Летом для Проши это сооружение не представляло опасности. Исследуя его, он с каждым разом увеличивал расстояние своих прогулок. В конце концов, исследовав весь маршрут по периметру дома, оставил эту затею и уже не удалялся так далеко и надолго.

Наступила осень, и прогулки для Проши становились день ото дня сложнее. Но ему по-прежнему нравилось гулять. Тем более, что вторично наступил тот самый тревожный момент теперь уже взрослой его жизни. По-видимому, он интуитивно отправлялся на прогулки в поисках неведомой для

него, но настоящей подруги. Его осязаемые стремления и подвигали Прошу на риск, ведь к тому времени карнизы уже были покрыты наледью от погодных перепадов. Но он отважно следовал своим инстинктам, продолжая опасные прогулки. И однажды опасность превратилась в зловещую реальность.

Никто в квартире (ни дочь, ни зять, ни внук, пришедшие в гости) не заметил Прошиного исчезновения. Эдуард Владимирович после праздничного обеда мирно посапывал на излюбленном ложе. Гости, расположившись в креслах, иронически комментировали новости по ОРТ. Внезапно раздался долгий пронзительный звонок в дверь. Испуганно сорвавшись с дивана, Эдуард Владимирович, будто что-то почувствовав, ринулся в прихожую и поспешно распахнул дверь. Заметно побледневший, у порога стоял Васька (сосед по площадке). Дрожащим от волнения голосом он хрипло проговорил:

– Эдуард Владимирович, там Ваш кот, в шиповнике...

В чём был, Эдуард Владимирович поспешил вниз. Его Проша качался в густых зарослях шиповника, растущего под окнами дома. Он медленно, с трудом перебирая лапами, тщетно пытался высвободиться из цепких объятий колючего кустарника, колеблющегося от его тяжести. Было оцепенев в ужасе от такого зрелища, Эдуард Владимирович, не помня себя, ринулся на помощь Проше, не обращая внимания на боль и кровь. Домой он нёс своего подопечного бережно, словно ребёнка, свисавшего с его рук безжизненной плетью.

Что тут сказать? – Хорошо ли, плохо ли, что Екатерина Михайловна в то время находилась на стационарном лечении? Может быть и к лучшему. Ведь её сердце и без того слабо. Эдуард Владимирович делал всё необходимое для того, чтобы ни Проша, ни его Катюша не почувствовали себя брошенными. И Екатерина Михайловна вернулась домой, и доньне радует своим гостеприимством родных и близких. И Проша, болезненно пережив столь суровое испытание таким необычным образом, остался жив и здоров. Вот только не избежал он ещё одного испытания, последовавшего за выздоровлением – современного способа избавления от мартовских и сентябрьских тревожных периодов для котов, когда хоть вой, но не помогут никакие Прошкины ухищрения. Операцию он пережил со смирением, видно, глубоко чувствуя свою обречённость на проявления неожиданностей, не Бог весть от чего возникающих в его жизни.

И всё же, Эдуарда Владимировича постоянно смущает подлая Прошкина привычка оставлять подозрительные бугорки и пятна на его спортивных трико, выдававших и перевидававших виды.... Но что делать? Менять их на новые – всё равно, что обречь свои чувства на такое же глумление. Так стоит ли рисковать? По всей видимости, нести ему этот «крест» суждено до конца...

ЛЮБОВЬ КУТКОВАЯ

Коренная горловчанка. Пишет стихи и прозу, член Лито «Забой» и Международного клуба православных литераторов «Омилия». Публиковалась в альманахах и журналах, автор трёх книг.

ВЫБИРАЮ СЧАСТЬЕ

Будильник прозвонил дважды. Татьяна медленно поднялась с постели и, накинув халат, посмотрела в окно.

Тяжелое, рваное ноябрьское небо накрыло крыши домов и серую змейкой заползло в душу.

«Очередной серый день серого ноября», - уныло подумала она, направляясь в кухню. Муж, Славка, уходил на работу раньше и никогда ее не будил.

– Ну что, голубцы понравились? - спросила Татьяна у грязной посуды в мойке.

Сваренный кофе смело оттеснил запах голубцов и по-хозяйски заполнил своим ароматом кухню. В голове проснулся улей, и мысли, как пчелы, зажуужали, перебивая друг друга: «Какой костюм на работу надеть – голубой или серый? Забыла Славке сказать, чтобы томатный сок из гаража принес, опять борщ не сварю. Как время летит, уже 45! Что ж, дочь из Киева на мой юбилей придет?»

Единственное дитя семьи Громовых, дочь Елена, училась в столичном вузе на 4 курсе. Дома бывала редко. Любимый семейный спорт, теннис, цепко держал ее в своих объятиях. И хотя Татьяна очень скучала, но в душе гордилась успехами дочери.

– «Нужно вечером Алене позвонить, вдруг денег нет. Ну что же все-таки сегодня готовить? Надоело, как все надоело», - ныла Татьяна, допивая кофе.

За окном завизжала сигнализация.

«Борькина. Опять, наверно, новая. Умеют же люди жить. А мы 15 лет на своем ретро по имени «Жигули», - с раздражением подумала она.

Последнее время Татьяна все чаще стала испытывать внутренний дискомфорт, неведомый ей ранее. Чем больше она пыталась разобраться в жизни, бурлящей вокруг нее, тем полней ее заполняло чувство уныния и бессилия.

– Сила правды не слышит, - часто повторяла она народную мудрость и заставляла себя в это верить. И чтобы отдохнуть от настоящего, она все чаще стала улетать мыслями в прошлое, где ей почему-то было уютней.

Прошлое выплывало из памяти как разноцветная кибитка, весело катившаяся по дороге через станции – институт, замужество, дочь, квартира, работа, семья. И даже период выживания, когда месяцами не платили

зарплату, не вызывал в ее сердце горечи. Продажно-воровской вихрь перестройки не закружил семью Громовых в свой омут. Они с мужем так и остались работать на своем заводе, куда после института направили Славку, а через три года пришла и она. Их родимый завод выстоял на семи ветрах перестройки и не упал в руки «новых русских»; пыхтел, коптел, как старый паровоз, но с рельсов не сходил и безостановочно полз вперед.

Татьяна, аналитик от природы, неоднократно пыталась составить мониторинг своего внутреннего состояния, но тормозила на полдороге из-за отсутствия данных. Она, копаясь в себе, не находила ответов на многочисленные вопросы и с каждым днем становилась все раздражительней, словно что-то потеряла в себе и, не находя, злилась.

«Нет, со мной все в порядке, - убеждала она себя, – это жизнь такая вокруг грязно-рваная».

Вечерами, усаживаясь перед телевизором, Татьяна подолгу мучила пульт, пытаясь найти что-нибудь интересное. Но с экрана на нее выплескивалась грязь секса и убийств, которая каким-то образом прилипала к ней. Она чувствовала ее физически. Зуд расплзался по телу, и она бежала под душ, остервенело терла тело мочалкой и облегченно вздыхала, выходя из ванной. Воспитанная родителями в строгости, Татьяна в своей жизни имела единственного мужчину – мужа Славку и не могла понять и принять этой безобразной, свободной, так называемой любви, которая начиналась на двадцатой минуте знакомства. Эта любовь напоминала ей копошившуюся на старых носках моль, которая иногда взлетала, но все равно навсегда оставалась только молью, гадкой, серой молью.

Чашка уже давно глядела на Татьяну кофейной гущей, но ей не хотелось никуда идти. Скверное настроение сидело с ней на одном стуле и тоже не торопилось. Улей в голове продолжал жужжать, но вдруг замолчал от наглости, с которой его оттеснила неожиданная гостья – память. Татьяна почему-то вспомнила недавно прочитанную историю об одном духовном Учителе, который всегда улыбался счастливой улыбкой. И когда его спросили: «Как Вам это удается?», Он ответил: «Каждое утро, когда я просыпаюсь, то спрашиваю себя, что я выбираю сегодня – блаженство или страдание? И я выбираю блаженство и потому всегда счастлив».

«Получается, что и я свободна в своем выборе», - вдруг осенило ее.

«А что, если и мне попробовать?» - мысль, как пружина, толкнула ее со стула, и она приземлилась перед зеркалом в спальне. На нее васильковыми глазами с тяжелой копной русых волос, заколотых кое-как, с интересом смотрела женщина. Волосы, освободившись от надоевшей заколки, вырвались на свободу и красиво улеглись на плечах. Несмотря на 45 женщина была хороша собой. Время не съело ее русской, забытой красоты.

– «Василиса», - прошептала Татьяна. Так впервые много лет назад назвал ее Славка.

Их первая встреча была смешной, как картинка из комикса. Через год, после окончания школы, Татьяна поступила в институт. В летнюю сессию, набрав кучу книг в библиотеке и крепко прижав их к груди, она осторожно открыла дверь, чтобы уйти и в этот момент получила в лоб теннисным мячом. Неожиданность ударила сильнее мяча, и Татьяна ошалелыми глазами смотрела на смеющихся вокруг ребят. Один из них подошел ближе, посмотрел на нее веселыми глазами и сказал:

– Прости, это я в тебя мячом, ... Василиса...

Через два года они поженились.

Мысли, побывав в прошлом, заторопились в настоящее. Женщина в зеркале понравилась Татьяне. Плохое настроение, оставленное в кухне, не ожидало такого поворота и не успело добежать до нее. Татьяна выпрямилась, гордо тряхнула русой копной, словно одним махом хотела стряхнуть надоевшее однообразие и серость дней, смело посмотрела в зеркало и решительно заявила:

– Я сегодня выбираю счастье!

Лифт, как всегда, не работал. Каблуки весело стучали по ступенькам барабанной дробью. На втором этаже Татьяну догнала соседка Людмила, жена Бориса.

– А мой козел опять загулял, - сходу сообщила она. – Новая машина, новая любовница. Да когда он уже только ..., - зло выругалась Людмила.

«А мой Славка на нашем жигуленке только меня возит», - радостно подумала Татьяна и заторопилась на остановку, оставив после себя «аромат счастья и легкий запах духов».

Подполз переполненный автобус. Оставив выдох на остановке и вздохнув после закрытия двери, она осторожно попыталась вытянуть сумку, застрявшую между двумя женщинами.

– Что вы елозите? - резко оборвала ее действия одна из женщин.

Рот Татьяны медленно стал открываться, чтобы изрыгнуть язвительную ответную фразу, но мысль опередила его и закрыла «выбранным счастьем».

На рынке автобус заметно похудел, вытолкнув большую кучу хозяек в жужжащий муравейник, и поехал дальше по маршруту. Усевшись на освободившееся место, Татьяна неожиданно встретилась с пустым, безрадостным взглядом напротив сидящей женщины.

«Одинокая, - почему-то сразу решила она. – Как это, наверно, жутко знать, что в этом мире тебя никто не ждет. А у меня Алена и Славка, - с теплотой подумала Татьяна. – Алена, конечно, уже отрезанный ломоть. Приходит время, когда наши дети уходят в свой взрослый мир, оставив нам детские фотографии и бесконечное чувство любви и тревоги о них. Навряд ли дочь вернется домой после окончания института. Парень-то ее киевлянин», - подытожила Татьяна.

– Вот так и я осталась бы одна, но у меня есть Славка.

Славка, как говорят, был подарком свыше, 185 сантиметров оптимизма и доброты. Он как трава на асфальте, пробивая толстый слой жизненного битума, всегда стремился вверх, к солнцу. Он словно каждое утро умывался светом, и потом, в течение дня, выбрызгивал его на окружающих. Смело глядя жизни прямо в глаза, он уверенно отбивал ее предательские мячи.

В Татьяне заговорила совесть. Она обвинила ее в нытье и придирках к мужу, в отсутствии ласки и отказа от близости.

«Вот загуляет как соседский Борис, что тогда будешь делать?», - язвительно закончила совесть свои обвинения.

– «Нет, никогда. Мой Славка однолюб», - уверила себя Татьяна.

Она вспомнила его глаза, полные любви и понимания, ласковые руки, цветы, которые он дарил по поводу и без повода. Годы не меняли его отношения к ней, она была для него все той же Василисой, как в первую их встречу. Он не впускал время в свою обитель любви, поставив ему такие заслоны, что оно отступило, увидев, что любовь сильней.

– «Вот дура, какая же я дура, - мысленно отругала себя Татьяна, - Топчу свое счастье и еще ною».

Сердце защемило, разбудив спящую нежность, а та, перемахнув через его края, стала заполнять ее всю, размывая на своем пути заторы из пустых обид, обвинений и грубых слов. Смыв всю эту шелуху, она уступила место благодарности.

Автобус резко затормозил, прервав мысленный диалог. Административное здание завода находилось в десяти минутах легкого бега от остановки. Часы напомнили: «Опаздываешь». Но мир сегодня радовал ее, и внутри было какое-то детское ощущение беззаботности и легкости.

– Подумаешь, - озорно ответила Татьяна часам, взлетая по ступенькам на второй этаж. Родной проектно-сметный был в конце длинного коридора. Навстречу ей двигался говорящий сиреневый куст:

– Опять опаздываете, - прогундосил он.

Удивленная Татьяна остановилась, узнав в этой бесформенной сиреновой массе своего начальника отдела Ларису Дмитриевну, которая полгода назад была переведена к ним из производственного. Когда их бывший начальник уходил на пенсию, все сотрудники ожидали, что назначат Татьяну. Ну, во-первых, она пять лет в замах ходит, а во-вторых, – на заводе два десятка лет.

Но руководство рассудило иначе:

– «Ларисе Дмитриевне два года до пенсии осталось, нужен заработок побольше...».

– Как будто у других печатный станок дома и им деньги не нужны, - злилась тогда Татьяна.

Вот так и работали, делая вид, что ничего не произошло, однако частенько развешивали «грязное белье» на туго натянутой веревке своих отношений.

Маленькие вездельные глазки на вечно кислом лице буравили Татьяну в ожидании оправданий. Но та вдруг улыбнулась и весело сказала:

– Вы, Лариса Дмитриевна, сегодня как молодая майская сирень.

От удивления та проглотила кислую мину, глаза ее невероятно увеличились в размерах, а на лицо заползло подобие улыбки. Потом, вспомнив, как это делается, она улыбнулась почти нормальной улыбкой и молча поплыла по коридору.

День пролетел, как птица мимо окна. Работа спорилась. Сотрудники, заметив изменения в Татьяне, полюбопытствовали:

– Что это вы, Татьяна Николаевна, сегодня какая-то необычная. Жизнь счастливый билетик подарила?

– Она подарила мне его 27 лет назад, а я по своей глупости чуть не потеряла, - со светлой грустью ответила она.

После работы, вихрем облетев магазины, Татьяна ворвалась в кухню с полными пакетами продуктов и ринулась в бой по их переработке.

Блины отлетали от сковородки, как мячик от ракетки. Румяные и пополневшие от творога, они ровными рядками укладывались в кастрюлю в ожидании их главного поедателя Славки, который вскоре затарахтел ключами в дверях.

Через минуту его лицо с доброй улыбкой засветилось в дверном проеме кухни. Нос затянул в себя блинный запах, восторженные глаза посмотрели на Татьяну:

– Василиса, ты блинов нажарила, вот умница, когда же ты успела?, - ласково сказал он.

А ночью, вырвавшись из Славкиных объятий, она вдруг неожиданно для себя спросила:

– Слав, а ты мне когда-нибудь изменял?

– Да ты что, ты что? - от удивления Славка даже привстал с подушки.

– Да разве таким изменяют...

– А какая я, Слав, какая? - спросила Татьяна и в ожидании затихла.

– Ты, ты ..., - Славка, немного помолчав, а потом, растягивая слово, с какой-то удивительной нежностью сказал:

– Ва-силь-ко-ва-я

В Татьянинном сердце запела любовь. Со всех сторон маленькой спальни на нее смотрело счастье. Она крепче прижалась к мужу, закопалась лицом в его густой растительности на груди, улыбнулась и тихонько прошептала:

– Ну, надо же, получилось.

АЛЕКСАНДР ТОВБЕРГ

Родився в 1974 в Красноармейске. По образованию – сознательно не состоявшийся журналист; по профессии – был многим, но не стал всем; по призванию – фантазёр с гротескно-поэтическим уклоном. Выпустил три официальных сборника стихотворений и кучу – самиздатовских стихов и прозы. Печатался в разнообразных изданиях дружественных стран – России, Украины, Германии. Участник сетевого литобъединения «Стражи Весны».

ІСТОРІЯ УКРАЇНИ У СВІТЛІ СУЧАСНИХ НАУКОВИХ РОЗБОРОК

Драстуйте, любі діточки та дорослі. Розвішуйте по обох боках голів свої вушка, та слухайте уважно мою промову. Я прохвесор Омелян Ахренєнський, і, як ви вже здогадалися з мого прізвища, рід свій веду від славетного українського козацтва... Яких я наук прохфесор?.. А, яких ще там наук, прохфесор, та й годі. Чи вам цього замало?

Не знаю, чи цікаво вам буде мене слухати, чи ні – то вже ваша справа. Мені сказали – розповіси оцим олухам,.. ой, тю, злетіло з язика,.. розповіси оцьому нашому народові про щось таке новомодне. Так от я думав-гадав, що воно таке може бути?.. Про духовність чи бездуховність розповісти? А хто знає, що то за слова такі непойняті? Мабуть, неруські якісь. Може, про менталітет розказати? Це вже ближче, бо навіть і слово чисто українське. Та ні, думаю, ще міліція образиться... Довгенько таки мудрував, та врешті-решт допетрав! Погомонів перед цим із знаючими людьми, вони й підказали.

Ми ж, виявляється, нову-пренову державу розбудовуємо, он як. Так от про її героїчне минуле й буде розмова. Чому вона нова-пренова, спитаєте ви?.. Ні, не «хренова», то вам почулося. А я ось і відповім. Тому що хоч і будують її старі, але для нових – хохлов, москалів, та інших руських вельмишановних автентичних національностей. А який же ж новий не хоче знати своєї старовини, як говорив класик. Так от,.. що ви мене безперервно дурними запитаннями відволікаєте! Досить, слухайте сюди!.. Ну що з того, що ви не «нові руськи», думаєте, я новий?! Але ж от стою тут і патякаю вам „преданья старини глубокой”, а будуть мені за це платити, чи ні – невідомо. Бо героїчне минуле до нашої з вами зарплатні ніякого відношення не має. Ці речі настільки різні, наскільки однакові. От і все, скінчимо полеміку, та перейдемо до того, для чого ми тут зібралися.

Так от, історія наша з давніх давен починається. До речі, це якість будь-якої історії будь-якого народу, а нашого – особливо. Значить, давно це

було. Не існувало на світі ще ні Древнього Єгипту, ні Вавілону, навіть ні одного древнього грека ще не народилося. Та й звідкіля б узялися всі народи, якщо б не українці! Так, у той час нікого ще не було, а українці вже існували! Ну звичайно, вони ще не знали, що вони українці. Та це зовсім не заважало їм бути патріотами рідного краю. А їхнім рідним краєм була славнозвісна Атлантида. Так-так, саме вона! І нічому тут дивуватися, бо мої останні наукові дослідження безумовно свідчать про це. А ви не здогадуєтесь, чому Атлантида пішла під воду?.. А-а, отож бо!.. Але насправді все було не так, як ви уявляєте.

Атлантидська цивілізація зробила шалений стрибок на шляху прогресу — видобула вогонь! Одразу ж усі радіостанції світу розтеревеніли про цю подію, і до Атлантиди почали з'їжджатися люди звідусіль, щоб подивитися на цю чудасію.

Добиралися хто чим. Американці, ті «Боїнгами» поприлітали, китайці – велосипедами поприскакували, чукчі – ті за москальські всюдихіди позачіплялися і теж приїхали.

Зібралися усі, а українці вже Інститут Вогню заснували, а рядом музей відкрили. Трьохметрову хвігуру першовідкривача на прізвище Прометееенко поставили, та два кремені під скляний ковпак поклали. Хай люди дивуються, мовляв, нам з того відкриття що за користь? Навіщо нам вогонь, коли в нас запальнички є?

Так що ви думаєте!? Ці клятві москалі, ну не наші, автентичні, а ті що росіяняцями зветься та у Московії живуть, так от, підпоїли вони уночі сторожа якоюсь гидотою, що по їхньому «водкою» зветься, та сперли реліквію! А їхати ж було темно, от вони й вирішили вогня запалити. Зупинили свої погані всюдихіди біля якогось колодязя, почали кременями чвіркати. Чвіркали, чвіркали, запалили-таки! Що саме запалили, я вже й не пам'ятаю, бо дуже давно це було, та й не в тім річ. Головне те, що зраділи вони, багаття розклали, водки своєї випили, смолоскипа запалили і далі у свою Московію поїхали... Ага, а щоб сліди замести, покидали недогарки у той колодязь. Ну, відїхали вони метри зо два, а воно як рвоне! Колодязь той ракетним виявився. Та запізно вже було. Гахнула ця ракета з ядерною босоголовкою так, що луснула «колиска українців» навпіл і затонула! От до чого прокляті ці прокляті росіяняські москалі! Це ж, бачте, через них світ Атлантиди лишився!

Та звичайно ж, ми нарід живучий. От ті, хто після цієї катаклізми в живих zostалися, порозліталися по всьому світові. Семена Рамзесенко з командою ударною хвилею до майбутнього Єгипту відкинуло, Хому Хаммурапенко – до Вавілону, Шурка Македонченка – до Греції, Юрка Цезарюка – до Риму. Та самі невгамовні дісталися до Індії, Китаю, Японії. Деяки, найневгамовніші, впали десь у Індійському океані та допливли до Австралії та Нової Зеландії. Кость Монтесуменко та Іван Вінітук-Змієвіч до обох Америк дісталися. Ото тільки до Антарктиди не дійшли, бо там першими за нас вже москалі побували, й самі бачите, що вони з цього колись квітучого

континенту зробили! Це ж, мабуть, якесь опудало не вимкнуло холодильника, й диви-но, як понамерзало. Ну а холодильника, звісно ж, в Україні робили, бо й досі працює.

Ну от на цьому я свою лекцію завершую, бо часу в мене вже обмаль, а треба ще в одне місце їхати, ще одну лекцію читати, етім... як його, неавтентичним москалям! Про їх походження від «росіянців». Чи навпаки?.. Хоча, це не суттєво.

А що, я такий, куди пошлють – там і буду національну свідомість піднімати. В мене ще багацько теорій є!

КОНЕЦ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

Лет в одиннадцать, когда Фёфёлу Феофаньевну родители называли ещё просто Фёфочкой, на неё неожиданно напала свинка. И хотя растущий девочкин организм благополучно преодолел болезнь, свинка оставила в ранимой детской душе нерассасываемый рубец. Поэтому, когда Фёфочка развилась до размеров Фёфёлы Феофаньевны, жизнь свою она решила посвятить благородному делу испытания на себе новейших методик оздоровления.

Благодаря неустанной работе над собой, к полувековому юбилею Фёфёла добралась вполне сохранившейся особью, в которой с близкого расстояния, не особо напрягаясь, можно было угадать женщину.

Фёфёла обожала диеты. Причем применяла их, в целях экономии времени и для пущего эффекта, - комплексно, то есть одновременно сидела на нескольких. Таким образом, после каждой комплексной диеты она ощутимо прибавляла в весе. Впрочем, это было ей к лицу, так как, с одной стороны, килограммы искусно маскировали несколько маленьких фёфёлиных подбородков, и превращали их в один массивный большой. А с другой стороны, там, где у Фёфёлы, по замыслу родителей, находился затылок, килограммы плавно перетекали в спину. Со спины сразу начинались ноги. И можно было утверждать, что ноги у Фёфёлы растут от ушей, как и требуется для любой стандартной красавицы. На лице, думается, не стоит заострять внимания. Право же, после неоднократных пластических операций оно выглядело вполне прилично, хотя и немного натянуто.

С недавних пор Фёфёле пришлось пользоваться косметикой. Но это для того только, чтобы врачи не путали, где у пациентки лицевая часть, а где – наоборот. Когда же она ещё и парик надевала, то выглядела вообще неотразимо. То есть, отражение её не вмещалось ни в одно трюмо. И если сей факт считать положительным, то, как видите, методики оздоровления и омолаживания организма давали отличный результат.

Конечно, при таком способе жизни Фёфёла надеялась протянуть ещё с полвека. И ничего невозможного в том желании не было, если бы не одна

фефёлина фобия. Она страшно боялась (а как ещё можно бояться?) несчастного случая. Какого? Да любого! Ведь уже само словосочетание «несчастный случай» бросает в дрожь и бьёт по нервам. Но то, чего боишься, в конце концов и происходит.

Одним весёлым, солнечным, мартовским и т.д. утром, когда Фефёлаковыляла в поликлинику на плановый осмотр к одному из своих любимых лечащих врачей, который, кстати, тоже был от Фефёлы без ума, то есть, тихо безумел от её регулярных посещений и мечтал перебросить Фефёлу какому-нибудь другому специалисту... Так вот, в тот неординарный мартовский день Фефёла доковыляла-таки до больницы, и – о чудо! – или – о ужас! – кому как – огромная сосулька, решив, что пришёл её звёздный час, сорвалась с крыши и – воткнулась Фефёле в шляпку, в парик, в череп, в мозг и т.д., и застыла где-то в районе груди.

-Что такое? – недоумённо сказала Фефёла, - кто это озорничает? – она покачала головой, но шея почему-то не гнулась, а в груди стоял кашель. «Наверное, последняя диета на пользу мне не пошла», - подумала Фефёла и вошла в поликлинику.

Тут она вскоре опять подумала: «Чё это они все так глазливо в меня пялятся? Может быть, у меня с лицом чего-то не в порядке?.. Неужели...»

-Ой, - идущая навстречу медсестра всплеснула руками, - Фефёла Феофаньевна, что это с вами?!

-А что со мной? – спросила Фефёла.

-Ну у вас же это, в голове... Оно вас не беспокоит? Может, вам оказать первую помощь? Нам показывали...

-Милочка, - ядовито заметила Фефёла, - у меня в голове то, чего в вашей не хватает. И я ещё не настолько стара, чтобы вы мне оказывали вашу помощь, ни первую, ни последнюю. Знаете, милочка, я бы хотела вам посоветовать прекрасную разгрузочную диету. А то у вас что-то цвет лица не ахти какой. Чё это вы так побледнели?

-Да так, вас увидела. Обойдусь как-нибудь без вашей гов... простите, диеты, - вежливо отказалась медсестра. Но однако же помогла протиснуться Фефёле в дверной проём.

Доктор поспешно отобразил радушие, но едва взглянув на Фефёлу, позеленел и покрылся испариной.

-Да что это с вами сегодня? – сказала Фефёла. – Может у меня что-то с причёской?

-М-м, - неопределённо промычал доктор, - у вас шляпка набекрень съехала. Позвольте, я поправлю.

-О, это так мило с вашей стороны, - конфузливо разрешила Фефёла.

Доктор потрогал сосульку. Конечно, её бывшие размеры постепенно таяли, но тем не менее она всё ещё была переполнена величием айсберга, протаранившего «Титаник».

-Скажите, - спросил вкрадчиво доктор, - Фефёла Феофаньевна, как у вас в последнее время со здоровьем?

Фефёла шмыгнула носом.

-На данный момент, - говорит, - меня что-то сопلي беспокоят.

-Ну-у, сопли, - уклончиво говорит доктор, - это от весны у вас. Понимаете, тает снег, лёд, м-м,.. сосульки падают, м-м, и тоже тают. Оттепель, одним словом. Но это частности, а я вас в общем спрашивал.

Фефёла этого момента только и ждала. Она вынула из сумочки толстенный гроссбух под названием «Дневник наблюдений за моим организмом», открыла его на N-й странице и с воодушевлением приступила к чтению. Перед внутренним взором доктора вставали перипетии скрытой жизни фефёлиного большого тела.

-Угу, - подбадривал себя доктор, чтобы не заснуть, - прекрасно, чудненько, угу, да, угу, отличненько...

-Да вы, милый мой, меня совсем не слушаете! – обиженно воскликнула Фефёла.

-Нет, нет, - заулыбался доктор, с трудом размыкая веки, - я вас прекрасненько слышу, и похоже, я знаю, как вам помочь, – тайная мечта доктора грозила сбыться. – Нет, нет, - повторил он и захихикал. – Сейчас, глубокоуважаемая Фефёла Феофаньевна, я выпишу вам направление к другому врачу.

-Но я не хочу к другому! – запротестовала Фефёла, - я хочу лечиться только у вас. Вы такой чуткий, такой внимательный, вы просто душа. Я вот хотела с вами посоветоваться насчёт свежего способа омоложения. И, как вы считаете, может быть, мне стоит сделать пластическую операцию груди? Вот посмотрите... А животик? Мне кажется, вокруг пупка он немного разросся?.. А вот ещё...

-Любезная Фефёла Феофаньевна, - торжественно перебил её доктор, - я закрываю вашу Историю болезни.

-Но как же, как же, - залепетала Фефёла, - я же вас,.. вы же меня...

-Все вопросы теперь к другому специалисту! – и доктор выпихнул Фефёлу из кабинета и указал нужное направление.

Фефёла обиженно спускалась по ступенькам всё ниже, ниже, ниже, пока не упёрлась носом в табличку с дверью «Патологоанатом».

«Нет, - подумала Фефёла, - позвольте, тут какое-то недоразумение», - она открыла свою Историю болезни.

Большими, прыгающими от удовольствия буквами на последней странице был выведен безоговорочный диагноз: «Умерла»!

В это время у себя в кабинете доктор заходился истерическим хохотом, постепенно переходящим в агонию.

ОКСАНА ТУРЧЕНКО

Родилась в 1983 году в Горловке. Закончила Донецкий институт социального образования (ДИСО) в 2005 г. В данный момент – редактор телепрограмм и ведущая Донецкой областной государственной теле-радиокомпании «27 канал».

Публиковалась в коллективных сборниках «Звонкие рассветы», «Новые сказки», в альманахах «Восхождение», «Пять стихий» и «На крыльях Слова», в журналах «Страна Озарение» и «Союз писателей». Лауреат поэтического конкурса им. Олега Герасимова.

ПРОЗРАЧНАЯ ОСЕНЬ МАЛЕНЬКИХ ГОРОДОВ

В городок этот я переехал осенью. В то самое время, когда старые каштаны так и норовили сбросить свои покореженные ржавой желтизной листья на потрескавшиеся тротуары.

Осень в небольших городках имеет свою неповторимую, никогда не появляющуюся в крупных мегаполисах прозрачность. С приходом сентября городок будто расступается – проспекты становятся шире и ровнее, скверы – загадочнее, дороги – длиннее, а горизонт – гораздо ближе, чем обычно, но еще более недосыгаем.

Октябрь приносит таким городам звенящую неподвижность: монументальные, еще совдеповской постройки многоэтажки замирают, гордо вытянув верхние этажи к пронзительно-голубому небу, вросшая в землю опавшая листва терпеливо хранит молчание, а стены домов истончаются и становятся бледнее в первых утренних заморозках.

К ноябрю город замирает торжественен и недвижим. Постройки, машины и деревья становятся до того прозрачными, что их практически не разглядеть за осенним воздухом. А люди становятся дымчатыми призраками ноябрьских снов.

В такие дни реальными остаются лишь запахи.

Пахнут осенние города тоже по-особому. Сваренный всмятку солнечный желток сменяет прохладная свежесть бескрайних рассветов, а слежавшаяся опавшая листва так нехотит, бывает, напомнит неповторимый запах самой дальней комнаты в бабушкином доме, куда детям обычно вход настрого запрещен и откуда, время от времени, бабушка извлекает совершенно волшебные вещи вроде заботливо сложенной дедовской армейской пилотки и маленьких железных солдатиков.

Обычные же, человеческие запахи в такие осенне-прозрачные дни слышны намного четче и дальше. И запах утренней семейной ссоры у подъезда одинокой двухэтажки вполне может достичь вашего окна в самый романтический момент вечера.

Осень маленьких городов – это время, когда лучше плотно закрывать форточки, чтобы чужие мысли незваными родственниками не поселились в вашем доме.

А еще в такие деньки тебя постоянно преследует аромат еды – подходя к дому ты уже знаешь, что тетя Люся (пенсионерка из третьей) снова жарит драники, и проехавший мимо фургон с мороженым надолго красит застывший воздух ласковым запахом ванили.

В тот день в неподвижных деревьях прочно запутался сочный вкус свежесваренного борща с домашними чесночными пампушками. Я ощущал этот запах везде, наталкивался на него на остановках, чувствовал его тягучий томатный привкус в налетавшем октябрьском ветерке.

Для приличия я изо всех сил старался пару часов изобразить отчаянное сопротивление, но к вечеру отдался во власть обоняния и нырнул в одну из неприметно-зеленых боковых улиц.

О, кто не был в провинциальном городке, тому никогда не понять загадочного чуда проулков в центре. Когда, свернув в неприметный переулочек, ты переносишься от традиционной площади (с неизменным вечно-сухим фонтаном) к маленьким, аккуратным, будто игрушечным, домикам с чудесными резными ставеньками, крохотными калиточками (словно мастерили их гномы в зеленых колпаках) и традиционными лавочками с неизменно улыбчивыми старушками в обязательно белых платочках и пестрой радуге морщин.

В осенний этот день нос мой не ошибся и вывел меня на одну из таких «домашних» улиц, где среди домов и лавочек, пустых деревьев и галдящей детворы благоухала запахом украинского борща вывеска стилизованной в народном духе кафешки.

«Шинкарня» или «Харчевня» или что-то еще в этом духе – удивительно несуразное и мило-национальное название призывало всех желающих как можно скорее отведать блюда национальной украинской кухни.

Я не большой знаток пищевой промышленности небольших городков, но мне кажется даже там уже не встретишь таких уютных домашних кафе – цивилизация слишком безжалостно ворвалась в наши тела, приучила наши руки к холодным кнопкам блендеров и комбайнов, равнодушно смешивающих нам пищу для блюд, в которых нет ни капли тепла и души.

У дядьки Мыколы – так звали хозяина харчевни – каждое блюдо было живым: сочные оладушки дышали жизнелюбием жены Натальи, пирог с черносливом, испеченный «бабусею» буквально светился вековой мудростью – все продукты там чувствовали горячие руки пышнобедрой румяной хозяйки и не догадывались о холодных прикосновениях механических помощников.

Это было семейное заведение в исконном понимании этого слова. На пороге гостя встречал сам хозяин, у стола суежилась его красавица-дочь, расставляя тарелки с зеленым व्यонковым узором, пока господня с бабушкой хлопотали у каменной раскаленной печи.

Я стал приходить туда каждый вечер, как раз в то время, когда посетителей нет, и в пустоте зала не кажется такой банальной и затертой мысль влюбится в девушку, приносящую тебе кофе, - прошу прощения, узвар из сухофруктов.

Прозрачная осень маленьких городов быстротечна и стремительна – и та, что казалась тебе недавно просто привлекательной, к исходу дождливых ноябрьских дней незаметно и неотвратно становится необходимой.

В этом прелесть и коварство невидимых осенне-пустынных улиц – в такие дни лучше крепко запереть сердце, иначе девушка с тяжелой косой цвета июньского меда навсегда останется в вашей душе исчезнувшим видением ноября.

Как нетерпелива любовь: вот еще несколько дней назад тебе хватало перехваченного ускользающего, брошенного украдкой из-под медовой челки взгляда, а сегодня мало целого вечера, слившихся в единый комок рук, губ и сердца, до чертиков громко стучащего.

По тому, все чаще пропадающему чувству широты, необъятности и прозрачности, по давящему ощущению явственной нереальности, город понял, что осени больше нет, и на улицы пришла зима.

Она тоже заметила неестественность наших тихих вечеров. «Знаешь, - запутываясь в стылую дымку морозного воздуха, говорила она, - знаешь, иногда мне кажется, что все это снится. И ты снишься, и город, и этот неестественный воздух, пробуждающий даже в самых кротких душах постылое недоверие, и я тоже снюсь.... И страшно проснуться не от того, что тогда исчезну я, и эти столы и дети, что изо дня в день шумят за окном.... Страшно проснуться от того, что исчезнешь ты...»

В такие моменты я ободряюще целовал ее замерзшие волосы, с печалью угадывая в спутанных прядях едва слышный аромат трехдневной бессонницы.

- Ты не проснешься, - шептали мои руки, - ты теперь заснула навечно.

А потом осень окончательно покинула улицы города, и зима, пришедшая на смену бездонному небу, заботливо укрыла город 40-сантиметровым снегопадом, парализовавшем удивленные сосуды дорог на три вечных дня.

Когда я вновь добрался до улицы, где оставил свои мысли, частичка зимы чувствовалась в каждом атоме – в безразличных фасадах домиков с резными наличниками, в полуразрушенном строении, даже отдаленно не напоминающем семейную харчевню, в заиндевелых лицах зимних старушек, так и не сумевших объяснить, куда и когда исчезла семья, которой принадлежал ранее опустевший за эти дни участок.

Все последующие осени этого города (а их было не мало – пять или шесть, хотя нельзя стопроцентно поручиться, что не семь или больше) едкой солью разъедали мою плохостопанную душу и лишь безразличная зима стирала границы реальности, пытаясь убедить упрямое тело в истинной невозможности того, что было и всего, что будет....

С тех пор я не бываю в маленьких городках....

И лишь осенняя лихорадка безучастной многомиллионной толпы очумелого громадного города спокойно переносится моим усталым сердцем....

Закостенелое, спокойное отупение моих равнодушных мыслей лишь однажды было прервано письмом из города моего прошлого, города, в котором у меня оставался только один друг, с которым, как ни странно, я начал поддерживать регулярную связь лишь после отъезда, будто боясь навсегда отпустить городок моих воспоминаний в свободное от меня плавание. Письмом, которое я так и не дочитал до конца, на которое я так и не набрался смелости ответить. Письмом, выбросить которое у меня до сих пор не хватает храбрости....

«Привет, дружище!

Я знаю твоё отношение к нашей «деревне», но, думаю, повод для кратковременного посещения я тебе предложу неоспоримый, и ты просто обязан будешь приехать.

Дело в том, что твой закоренелый товарищ-холостяк таки решил связать себя прочными узами ненавистного ранее Гименя.

Постой смеяться! Я не шучу!

Знаешь, в ноябре у нас открылось новое кафе – на одной из тех глухих боковых улиц около центральной площади, куда иначе как по ошибке и не

забрывают. Совершеннейший кич в национальном стиле, но вкуснейшие и всегда свежие пампушки!

Кто она? Как ни банально – официантка этого досточтимого заведения, а по совместительству дочь хозяина. Ужасно милая, хотя на мой взгляд чересчур много значения придает всякой мистике.

Представляешь, на днях заявила мне, что наша встреча ей давно приснилась, еще в школе, правда я там был другой, выше кажется, и темнее, но город, прозрачная осень и запах постоянно готовящегося борща совпадают!

Так вот, я...»

К старому неравномерно пожелтевшему листку письма цветной красной скрепкой было приколото фото, на котором мой довольный приятель улыбается и крепко держит за плечи девушку с удивительными волосами спелого летнего меда....

ОТРАЖЕННАЯ

Она всегда любила зеркала и свое отражение в них. А почему бы и не радоваться, глядя на свое личико сердечком и точеную фигурку – не модельная внешность, конечно, но и грудь неплохая имеется и талия в наличии. И без всяких диет и спортзалов, заметьте, – все природное, доставшееся с рождения.

Но это, обычное, купленное пару месяцев назад в ближайшем торговом доме, с вырезанным по краям извилистым узором, это зеркало нравилось ей более других. Отчего-то – возможно, это и было на самом деле так – но в нем она казалась себе еще красивее, чем в других зеркалах, то тут, то там беспорядочно расставленных по ее двухкомнатной квартире.

Подолгу вертеться перед блестящей стеклянной поверхностью лучшего ценителя ее красоты, она приобрела странную привычку разговаривать с зеркалом. Хотя, возможно, говорила она не с этой блестящей вещью, и даже не с отражением, а с тем точно таким же миром, который проглядывал сквозь плоскую поверхность стекла. С тем миром, который так невозможно похож был на ее жизнь и, тем не менее, был таким другим.

Это слово казалось ей определяющим и до чертиков привлекательным – почему-то хотелось думать, что если другой – значит точно лучше, краше, возможно, более непредсказуем, но так или иначе он должен быть хорош.

Разговоры эти были для постороннего человека абсолютно глупые, не содержащие ни капли полезной информации, пустая глупая женская болтовня ни о чем. Но для нее (а ей хотелось верить, что и для того, отраженного мира

тоже) ее новости о погоде за окном (за тем дальним окном, которого зеркалу не было видно), о новом платье коллеги по офису, о вкуснейшем йогурте, лежащем сейчас в холодильнике, о любой мелочи из ее мира были чем-то большим, чем просто сплетни. Это было той тоненькой нитью, которая держала их миры рядышком, позволяя иногда соприкоснуться – так легонечко, незаметно, всего лишь одним плоским отражением.

Сегодня она задержалась еще дольше у любимого зеркала – в этом чудесном голубеньком шелковом платье она действительно была неотразима – поймав себя на этой мысли, она рассмеялась. Громко, заразительно, наполняя пустую комнату звоном серебряных колокольчиков своего смеха. «Я неотразима и, тем не менее, вижу отлично свое отражение! Вот так загадка для лучших умов столетия» - кружась, она весело подмигнула той себе, которая смотрела на нее, прижав лицо к холодной поверхности зеркала.

И в заразительном веселье ей на секунду показалось, что та, другая она, чуть скептически и печально улыбнулась ей в ответ сама. «Ах, как замечательно – мое отражение начинает жить своею собственною жизнью. И я сошла с ума, какая досадаааа» - уже вслух пропела она последнюю фразу и остановилась, строго взглянув в глаза отражению.

Улыбка, даже не улыбка, а так, случайное подергивание уголка рта, легкое, словно пыльца на крыльях бабочки, опять тихой рябью всколыхнула поверхность зеркала.

Это уже нельзя было списать на закружившуюся голову или обман зрения – отражение явно улыбалось ей, улыбалось самостоятельно, потому как ее губы от удивления чуть приоткрылись и застыли в нелепой попытке изобразить «О» - совсем как в первом классе школы, когда, играя на уроках, они пели гласные.

Мысль о том, что в сущности этого не может быть, даже не коснулась ее. За столько дней беседы с зеркальным миром она, казалось, сама стала немного зеркальной – возьми и выпрыгни ее отражение из зеркала сию же минуту, выпей оно весь ее морковный сок и вернись обратно – она восприняла бы это как необходимое, разумное и строго рациональное действие.

Она робко и неловко улыбнулась в ответ – почему-то заговорить сейчас казалось ей святотатством, - потом странно деревянной рукой махнула «привет».

Девушка в зеркале теперь уже явственно и в полную силу своих сочных губ улыбнулась ей, обнажив мелкие, чуть округлые, будто покрытые белой акриловой эмалью зубы. Улыбка у девушки была точь-в-точь как ее улыбка – тот же плавный изгиб верхней губы, обнажающий маленькие клыки, те же веселые ямочки на щеках и подбородке – но это была не ее улыбка – никогда не видела она, чтоб обычное мимическое действие так делило лицо. Будто на две части – губы и нос, казалось, радовались и были вполне

счастливы, а глаза, застывшие, замерзшие, недвижимые, всей своей стальной серостью ясно говорили – все это нас совершенно не касается, мы тут абсолютно не при чем.

Стоять и молча улыбаться дальше было довольно глупо, и она решила заговорить. Банальное «здравствуй» прозвучало довольно жалко в пустоте комнат, звонко стукнулось о поверхность зеркала и одиноко умерло, растворившись в тяжелом теплом воздухе квартиры.

- Ты вообще меня слышишь?

Девушка-отражение насмешливо кивнула и снова уставилась ей в глаза.

- Аха, значит слышишь.... Но молчишь.... Выходит, ты не можешь говорить?

Еще один утвердительный кивок с той стороны зеркала, а она довольно улыбнулась своей находчивости – вот такая я, посмотрите, не только красавица, но и умница.

- Что же мне с тобой теперь делать-то? Тем более, что из-за тебя я не вижу себя в любимом зеркале...

Девушка грустно качнула головой и, приподняв в приглашающем жесте нежную руку, обвитую небесным шелком, снова кивнула ей.

- Приглашаешь на чашку чая? Отличная идея! Жаль только – слишком мала вероятность ее осуществления. Я хоть девушка стройная, но в зеркало не пролезу, - рассмеявшись последней шутке, она опять закружилась перед зеркалом. – Хотя отчего собственно не попробовать, тем более, если я приглашаю сама себя?

И осторожно, будто боясь вспугнуть реальность, она подошла к зеркалу. Как попадают в зеркальные миры она отлично знала, – благо подобных фильмов сейчас пруд пруди – нужно только подойти поближе и медленно просунуть руку в раму, стекло примерно в этот момент должно исчезнуть и рука погрузиться в прохладный воздух, смешно образующий расходящиеся кольца вокруг ее кисти – совсем как на речной или озерной глади.

На деле все оказалось гораздо проще, в глубине души она подозревала, что фильмы врут, - приблизившись вплотную всем телом к зеркалу, она просто очутилась там. Никакого перехода, шума или ощущения – ничего этого не было. Секунду назад она была собою и вот уже стала отражением. Оглянувшись, в поисках той, другой, которая зазвала ее сюда, она в удивлении опять нелепо приоткрыла ротик (ее друга эта ее, немного детская, привычка удивляться отчего-то страшно умиляла) – никакого другого мира тут не было.

Все, что рисовала она в своей воображаемой беседе, оказалось неправдой – не было ни двери в комнату, ни противоположной стены, окон, улицы за ними, не было ничего из того, что не отражалось в зеркале. Вещи

обрывались, лишь только заканчивалось их отражение, и половина расчески смешно балансировала на обрезанном черной пустотой комод.

- Что ж, теперь можем и поговорить. – Та другая, смотрела на нее из настоящего мира немного сочувственно, но в целом довольно безразлично. И теперь уже она прижалась к поверхности зеркала, чувствуя как по ранее неведомой привычке, в спешке повторяет все жесты той, что стояла около зеркала. Выходило немного неумело, и она не всегда попадала в такт, но с каждым разом у нее получалось все естественнее и лучше.

- Ты ведь хотела побывать там? Что ж, наши желания дополняют друг друга потому что мне там, знаешь ли ужасно надоело.... И прости меня заранее, что я никогда не захочу вернуться и уж точно не подойду так близко к зеркалу.

Бросив торопливый взгляд на часы на левом запястье, девушка-отражение ее привычным жестом поправила волосы: «Ох, я же опаздываю!» - и, схватив сумочку, поспешно выбежала из комнаты.

Зеркало опустело.

«Черт, опаздываю... 20 минут.... Точно будет скандал, ох, и не объяснишь ей, что перед советом директоров я бессилён!» - Андрей с ненужной яростью надавил на клаксон и резко вильнул вправо, объезжая улиточный москвич.

Но скандала не было, Юлька сегодня казалась странно безразличной. И на его опоздание не отреагировала привычными нотациями о смысле и значении их отношений в его вечнозанятой жизни.

Не последовало и той ее обычной бурной радости, так раздражавшей его, при виде смешного карапуза, подковылявшего к их столику. Эти дети, из-за которых возникало большинство их ссор, изначально вызывали в нем ничем не оправданное раздражение.

Лицо и мысли ее сегодня были какими-то странно отстраненными от всего, а серый взгляд ее с неестественным восторгом обнимал мир, лаская, впитывая в себя, будто в первый или, наоборот, в последний раз стремясь насладиться всем сразу, увидеть все и запомнить навечно.

- Ты сегодня еще необычнее чем обычно, - скаламбурил он. – Какая-то... я даже слова такого не подберу... ну будто отскакивает все от тебя, как от зеркала.... И знаешь, я никак не пойму нравиться мне это или нет, – он весело улыбнулся и привычным жестом подозвал официанта.

ПРИТОКИ

(молодая кровь)

ИВАН ДОБРУСИН

Родился в Горловке в 1991 году. Учится на третьем курсе ГПИИЯ, на гуманитарном факультете, специальность - английский язык, история, зарубежная литература. Окончил музыкальную школу по классу гитары. Актер горловского народного театра "Юность" с 2006 года, член лито «Стражи весны». Пишет стихи, песни, сценарии к праздникам, капустники, пародии. Публиковался в сборнике «Звонкие рассветы», альманахе «На крыльях Слова».

* * *

Все чаще не милые лапочки,
Не розы, а лишь одуванчики:
Взрослеют хорошие девочки,
Мельчают хорошие мальчики.

Все ярче и ярче окрасочки,
А вместо улыбок – скандальчики.
Взрослеют хорошие девочки,
Страдают хорошие мальчики.

Теперь каблучки, а не тапочки,
Чтоб бегали как побегайчики -
Взрослеют хорошие девочки,
Мужайтесь, хорошие мальчики!

* * *

Незнакомая незнакомка
Появилась в тени опять,
Незнакомую незнакомку
Снова я не успел догнать...

Незнакомая незнакомка,
Почему-то сошла с пути,
Незнакомую незнакомку
Нынче так нелегко найти...

Незнакомая незнакомка:
Сердце спрятано под замком.
Незнакомая незнакомка,
Я уже с ней давно знаком!

ЧТО-ТО ВАЖНОЕ...

Иногда я хожу по городу,
Вижу как, отбросив вальяжное,
Не боясь ни жары, ни холода
Люди делают что-то важное!

Если смеешь ты думать фривольно,
Чтобы дело исправить каждое -
Стой! Не смей! Погоди же! Довольно!
Люди делают что-то важное!

Тихий омут кишит напастями:
Мы построим нечто дренажное!
Не осушим - помогут власти нам!
Люди сделают что-то важное!

Я и сам встаю преисполненный,
Нагнетая лицо отважное,
Пусть не выпавшись, но уверенный
Сделать за день хоть что-то важное!

Мучась, тлея с тоски невыносимой,
Подымая тело бумажное,
Убегая вслед за своей мечтой,
Люди делают что-то важное!

АЛЕКСЕЙ КОЛОМИЕЦ

Родился в Горловке в 1987 году. Окончил Горловский автодорожный институт ДонНТУ. Стихи сочиняет с 9 класса, играет в рок-группе, большая часть произведений пишется под гитару. Член сетевого Лито «Стражи весны». Публиковался: в периодике, в коллективных сборниках «Вольные стражи весны», альманахах «Пять стихий» и «На крыльях Слова», журналах «Страна Озарение» (Новокузнецк) и «ЛАВА» (Харьков).

СВОЯ ДОРОГА

(Грину)

Сигарета натошак и холодный кофе на столе,
Поворот ключа безмолвен, ведь бензин давно уже на нуле.
Заводи скорее ноги! По просёлочной дороге,
Как когда-то в детстве колесил.

Обгоняя клубы пыли, поклонись родившемуся дню,
Посмотри в большое небо, позови пернатую родню.
И они тебе подскажут, верный путь всегда укажут!
Просто птицы видят больше нас.

Лёгкий путь – он не для нас, он для тех, кто бросил свои вёсла.
Слякоть, грязь, метель, мороз и дождливые вёсны...
Не робей и не грусти! Знаю, будет впереди,
То, о чём мечтал всё это время.

В рюкзаке твоём любовь, а карманы полнятся добром.
Ты заплатишь честным словом, ну а кто-то платит серебром.
Только тот из вас богат, кто всегда всему был рад!
И смеялся грустным дням.

Вот уже конец пути и ты сделал шаг в седую старость.
Доброта и красота перекроют твою усталость.
Ну и что, что ты старик?! Наша жизнь всего лишь миг!
Нужно с детства выбрать верный курс.

ВИНДОВС

Утро. Выстрел. Взгляд в окно.
Сообщение напечатать привычной рукой.
Закрыть себя, свернуть все окна.
Пустая квартира – пустая коробка.

Лестница вниз, коридор, подвал –
Марш-бросок, святой ритуал.
Идти туда, куда не хочешь идти.
Смотреть в глаза, но копать в грязи.

Остановка, люди, скрежет и вой.
По магистрали одной ногой.
Водитель зануда бубнит в микрофон.
Запах счастья на весь салон.

Знакомые лица, пристальный взгляд,
В глаза улыбнутся, в спину съедят.
Бежать отсюда – выход закрыт.
Кондуктор скажет: «Кислород перекрыт».

Опоздать на работу, наврать про потоп.
А в голове: «Начальник – жлоб!».
Уткнуться в компьютер, не видя ни зги,
Кнопкой «Reset» запустить мозги.

Цифры и буквы, отчёты, звонки,
Летят заготовки, грохочут станки.
Уборщица Клава улыбнётся криво,
Ей 75 и она строптива.

И снова начальник, и снова крик,
Со всех сторон загоняют в тупик.
Коллеги сдают на каждом шагу.
Здесь слишком жарко, словно в аду.

Подливает масла милый ответ:
«Пшёл вон! Ты не мой абонент!».
Свернуть все окна кнопкой «Окей».
Пора домой, в толпы людей.

Опять остановка, вечный туман.
Кто-то устал, кто-то пьян в хлам.
Грузимся все, мест не хватает,
Кто не успел, тот пролетает.

Мелочи нет. Продать дьяволу душу.
Но только чтобы закон не нарушить.
Выбить окно, остаться живым,
Переключиться в спящий режим.

Повернуть ключ, включить свет,
Убедиться, что дома никого нет.
Ужин на стол, взгляд в монитор,
Мозги в сеть. Виртуальный простор.

Новости, фильмы, реклама и спам
Бьют по лицу, рукам и ногам...
В постель залезть с самим собой.
Окно свернуть с усталой Луной.

* * *

Что снится тебе, Гуляйполе?
Беспечные ветры – козацкая воля,
Былые победы, Гайчура воды...
Дыханье степи – дыханье свободы.

Что снится тебе, Гуляйполе?
Пригоршня любви в бездонности боли,
Стоны камней, хранящих секреты,
Тех, кто землёю навеки согреты.

ОЛЬГА РЕВА

Родилась в 1985 г. в городе Горловка. В 2007 г. закончила Украинский государственный химико-технологический университет в г. Днепропетровск. После жила в г. Павлоград и в г. Севастополь. В 2010г. вернулась на родину в Горловку. Печаталась в альманахе «Арт-Шум» (г.Днепропетровск), сборнике «Звонкие рассветы» (г. Горловка, 2010 г.). Участник фестивального поэтического движения. Дипломант нескольких международных фестивалей, лауреат городского поэтического конкурса им. Олега Герасимова (г. Горловка - 2010). Член Днепропетровской областной литературной студии «Окно» им. М. А. Светлова и сетевого лито «Стражи Весны».

РАССВЕТ

Какие неземные чудеса
Увидишь вдруг, проснувшись спозаранку:
Блестит на ветках лёгкая роса,
Как бриллианты с лазерной огранкой.
 Рассвет – галантный, щедрый кавалер
 Одарит всех из царского кармана
 И самый изощрённый глазомер
 В его подарках не найдёт изъяна.
Я босиком ступаю по траве,
Войдя в ряды таинственного братства,
И вот уже природа дарит мне
Своё неисчислимое богатство.
 Я становлюсь воздушней ветерка
 И новым взглядом вижу без обмана;
 И если не летаю я пока,
 То только потому, что слишком рано.
Вот я купаюсь в солнечных лучах,
А тень, как верный пёс, - за мною рядом.
И, как роса на солнце, тает страх,
И, как росток на солнце, крепнет радость.

БОЙ С ВОЛКАМИ

Большая чёрная собака
Брела, шатаясь, по степи.

Она казалась сгустком мрака
И солнца свет её слепил.
 В смертельной схватке с волчьей стаей
 Она загрызла вожака.
 От ран своих ослабеваю,
 Она ещё идёт пока.
Она горда своей победой,
Но до людей ей не дойти,
Ведь стая гонится по следу,
И снова схватка впереди.
 Она их чувствует спиною,
 Готова смерть свою принять,
 И волки серою стеною
 Стоят и скалятся опять.
Но стая вдруг к земле припала,
Скуля, приблизилась ползком,
И раненого волкодава
Она избрала вожаком.

ЦВЕТ СЕРДЦА.

Обклею обоями чёрными
Я комнату в сердце своём,
Чтоб чувства, на смерть обречённые,
Селиться не думали в нём.
 И вот никакие терзания
 Не трогают сердце моё.
 Ушли и мечты, и желания, -
 Осталось пустое жильё.
Но силой ворвалась в прихожую
Любовь, этот дух перемен,
И сердце моё растревожила,
Сдирая обои со стен.
 И голые стены унылые
 Меня ужаснули, как смерть.
 Любовь... Ну а хватит ли силы ей
 Раскрасить их в собственный цвет?
Но были волнения напрасными –
Вернулись мечты и душа.
И сердце моё – ярко-красное,
И жизнь, как весна, хороша!

ЭПИЗОД

Засев в унылом кабинете
Над жутким ворохом бумаг,
Я вспоминаю о рассвете
В далёких солнечных горах.
 Я вспоминаю запах ветра
 И тяжесть утомлённых ног.
 На девяти квадратных метрах
 Мне не укрыться от дорог.
Бумаги, чёртовы бумаги!
В них столько вложено трудов.
Мне не хватает острой шпаги
И полудюжины врагов,
 Чтоб доказать им что есть силы,
 Что любопытство не порок,
 Мою бумажную могилу
 Разрушить – дайте только срок!
Мне адских стоило усилий
Не видеть этих мрачных стен.
Они меня не остудили.
Я так же жажду перемен.
 И проходя у кабинета,
 Качая тихо головой,
 Вы мне не верьте, но всё это
 Потом окупится с лихвой!
Терпенье свойственно мне редко,
Но отступиться – не по мне.
Я с головой уйду в заметки
Под ровный шум дождя в окне.
 На стёклах – чешуя из капель,
 От света белого брони.
Я не безумец, я – искатель,
И только бог поймёт меня.

ЕЛЕНА СТАРКОВА

Родилась в Горловке в 1988 г. в шахтерской семье. Закончила магистратуру в Харьковской государственной академии. Работает в ОШ №14 - лицей «Лидер» лаборантом компьютерного класса.

Свои первые стихи написала в возрасте семи лет. С декабря 2010 года состоит в сетевом литературном объединении «Стражи весны». Публиковалась в периодике, коллективном сборнике «Звонкие рассветы», альманахе «На крыльях Слова».

ИНТЕРНЕТНАЯ

Прикипела глазами к экрану
В ожидании чудо-писем,
А минуто назад мир ранил,
Был жесток и ненавистен.
Пара слов: "Привет, как дела?"
Ее сердце предательски трепетно!
Так недавно она поняла,
Что бывает любовь интернетная.

ЧУДО

И вслед уходящему поезду
Взгляд,
И осени блекло-дождливый
Наряд,
И танец рутинный нищих
В подземке,
В предчувствии холода лезут
На стенки,
И крик улетающих птиц,
Скрипки крик,
И миг очищения,
Прощания миг –
Все это в сети кровеносных
Сосудов
И в сердце, что искренне верило
В чудо!

СЕСТРА

И у нас с тобой
Будут дети,
И у нас с тобой
Будет дом.
Став счастливой
Самой на свете,
Не забудь, дорогая,
О том,
Как сидим под луной
На крыше,
Ловим звуки
Радиоволн,
А любовь здесь
Всего превыше,
А любовь прогоняет
Сон.

ШАРАДЫ

Странные слова идут на ум.
Может, слишком много я читаю,
Может, слишком часто призываю
Образ твой среди тревожных дум.
Как всегда, нам не хватает слов,
Трепетных, простых и всем понятных.
И сквозь рой слогов невнятных
Снова что-то блеем про любовь.
Как всегда, я осенью дышу,
Даже в этом светлом настроенье.
Мой Господь, молю о вразумленье.
В сотый раз потеряна, грешу...
Странные слова на ум идут.
Не поймут. Отвергнут. Предадут.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Нет звёзд, и неба тихий омут
Как будто тянет к себе землю.
И твердь, и поднебесье дремлют,

И твои глазки тоже смогут.
Дыши ровней, ведь мягок ветер,
Ласкает кудри поцелуем.
К нему, бродяге, не ревную,
Ему любовь твоя не светит.
Проказница-Луна не выйдет,
Не распорошит свои чары.
По небу бродят одни мары,
Но и они не потревожат.
Закончу поцелуем сладким
Шептать пред сном тебе сказанья.
Люблю! До скорого свиданья!
Спи нежно, крепко, без оглядки.

ПАРАНОЙЯ ГРОЗЫ

За мною летели
Три мили по ветру
Холодные капли дождя паранойи.
Мне руки ломали,
Глаза закрывали,
Но всё ж умирала я молча не ноя.
Горящие камни
Под ноги кидали,
Мне было обидно и страшно до боли.
Закрыты все ставни,
Мне дверь не открыли,
Но всё ж умирала по собственной воле.

САКУРА

Во всех городах в этот день –
Пять сантиметров в секунду.
Я словно твоя мигрень,
Переходящая в простуду.
Летят и летят лепестки,
Я в светлой и доброй памяти,
Но сбросив узы тоски,
От боли меня не избавите.

ТАТЬЯНА ЯНГУЛОВА

Родилась в 1995 году в шахтёрском поселке Смолино Кировоградской области. Учится на биотехнологическом факультете Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт». Стихи размещены на некоторых поэтических сайтах. Публикуется впервые.

ЕСЛИ БЫ В ГОРОДЕ ТВОЕМ

Если б в городе твоём
Бомжи читали Мандельштама
Я бросила бы все, пришла бы
И поселилась под мостом.
Если б в городе твоём
Все было для любви и грусти,
Чтоб не могла я задохнуться
Приехала б, но пусто в нём.
Если б в городе твоём
Тебя украли птицы света
Или мои драконы ветра
И бросили б в водоем
Я бы спросила у воды,
Что спряталась в моем кувшине,
«Живой ли мой жених доныне?»
В ответ услышу я стихи
Они конечно же твои
И далеко не Мандельштама.
Не нужно ни моста, ни храма,
Не нужен город! Нужен ты.

СП'ЯНІЛІ

Сон обіймає ніжно за плечі...Тиша...
Я пам'ятаю щирість сп'янілих рук.
Чом лиш під градусом мене торкається ніжність?
Хіба тільки так слова не фальшивий звук?
Якщо я кажу щось щиро, то я сп'яніла?
Якщо ти кажеш

- Люблю
це правда, так?
Наша різниця у помилках, а все інше
Придумані брехні, різні на колір і смак.
Нам залишається думати і рахувати,
Чи вірити в щастя і просто забути про всіх.
Насправді це ніжність, не більше (це й так багато).
Я просто люблю твої очі, твій голос, твій тихий сміх.

* * *

Почему я все время ищу свое счастье во мгле?
И все время наступаю на грабли, и движения все не те
Все не то. Все придумано просто мной
И одну пустоту заполняю другой пустотой
И ошибку одну повторяю сотни раз.
Я ищу значение фраз, оттенки глаз
И слова, они значат что-то или на смех.
У меня, наверно, порядком повыбит мех
И вся жизнь превращается в грязный мусорный бак.
И собой я кормлю голодных твоих собак.

БЕЗЛИКИЙ ВОЖДЬ

Сумеешь жить, словно безликий вождь,
Сможешь вырывать из дневника страницы,
Тогда и жизнь засунешь ты в петлицу
И смерть украсишь парой цветков.
И все, что было ты не возродишь.
Увы, и вождь букашка в легионах.
И все что будет, видишь ты в законах,
И все что хочешь ты, давно имеет Он.
Он твоё зеркало с понятным зазеркальем,
Он твой пароль всего лишь в один знак,
А для тебя он самый страшный враг,
Хоть проще всех других из миллионов.
Вот ты сумеешь вырывать страницы,
И по воде ты хочешь научиться
Ходить, и полетать, как птица,
Но завистью прижат к родной земле.

И ты все думаешь о беззаконии,
И строишь храмы вечности, любви,
И ты совсем не хочешь уходить,
Хотя давно пора, мой друг, поставить крест
Тебя жаждался гитарист в конце пути.

КАРАВАДЖО

Мені усе набридло в біль...
Немає сил вступати в бій щоночі
І слухати стук серця у піснях
Серед акордів дум на струнних в твоїх грудях
Під шкірою молочно-білою
Тканиною, такою ніжною, без зайвого
Звичайне м'ясо ідеальне в простоті.
Мій любий вартий пензля Караваджо
І віршів, тільки не моїх.
Але я через біль
Щовечора з тобою зустрічаюсь
В твоїх очах шукаю рими для пародій
На справжні витвори мистецтва...
Не радій!
Я скоро закінчу маленьку збірку
І відберу в тебе намисто моїх мрій.

ДЕТИ

Ну, это, даже... даже не знаю что,
Что-то сказать, наверное, стоит, да?
Солнце скатилось от скуки за горизонт
А днем еще, днем, урониться хотело в лужу
Но что-то не дало. Что? Я не знаю сам.
Кажется часто, что никому не нужен,

А светишь же, греешь, даришь другим мечты!
Только твои где? Где все твои рассказы?
Помнишь, картинки клеили на шкафы?
Домики там, машинки, цветочки, пазлы,

Жвачки, мороженное и нашу любимую МАМУ,

Такую святую, среди разноцветного "прочего".
Чего мы хотели? И вспомнить-то затрудняешься
Но хочется верить что все-таки непорочного.

А это ведь было детство, из которого рвались вверх!
Что же нам не сиделось в тепле и уюте?
Все нам хотелось взрослыми на корабле
Плыть заперевшись в большой и своей каюте!

Думали весело? Весело на Земле??
Нам было лучше на нашей далекой планете!
Мы были ДЕТИ! И мысли были светлей!
Но, то что в руках всегда тяжело заметить.

ИТОГ

Ни на что не гожусь.
Никому не важна настоящая сущность, лишь строки.
Расшифровывать их любимая Ваша игра.
Я закрою глаза,
Попытаюсь вернуться к морю.
Уходите скорее.
Утверждаю, что Вам пора.

РОДНИКИ

(произведения для детей)

ГАЛИНА ИВАНОВА

Родилась в Горловке 28 мая 1972 года. Образование высшее. Пишет стихи и рисует. Работает в городском театре кукол. Член сетевого Лито «Стражи Весны». Также состоит в рядах общественной организации «Свитогляд» при Горловском музее миниатюрной книги.. Стихи публиковались в периодике, а также в коллективных сборниках «Злато стремя», «Вдохновенные сердца» (№№ 1, 2), «Зимние таинства», «Опять весна на белом свете», «Светлая лира», в альманахах «Восхождение», «Пять стихий» и «На крыльях Слова», в книге Н.Дегтярь «Далёкое эхо войны». Автор поэтического сборника «Золотая лира».

РЕБЯТАМ О ЗВЕРЯТАХ

ПРО ЖИРАФА

Майский Жук летел, жужжал.
Вдруг Жирафа повстречал:
- Эй, Жираф, как жизнь твоя?
Не узнать совсем тебя –
Отрастил большой живот,
Толстым стал, как бегемот.
Может твой живот болит?
Или зверский аппетит?
Отвечал на то Жираф:
- Милый друг мой, как ты прав!
Я жевал – жевал и вот
Стал огромным мой живот.
- Что ж, - сказал ему Жучок,
Примостившись на сучок:
- Вредно так переедать,
Нужно норму соблюдать!

ПРОДАВЕЦ

Кот Мурлыка на витрины
Выставлял свои картины,
Пел весёлые куплеты.

Говорили все при этом:
- Посмотрите, как красиво,
Все картины - просто диво!
И по чём у вас такие?
Может слишком дорогие?
Хитро глазками моргая,
Кот Мурлыка отвечает:
- Что ж, продам я без опаски
За большой кусок колбаски,
За куриную котлету
И за звонкую монету.

ЛЕВ – МЕЧТАТЕЛЬ

Возле речки Лимпопо
Солнце, пальмы и тепло.
Там, от зноя обомлев,
Отдыхал премудрый Лев.
Лёва сказки сочинял,
Как философ рассуждал:
- Знают взрослые и дети-
Есть Лапландия на свете.
Там повсюду снег и лёд,
Дед Мороз в лесу живёт,
Любит ездить он на лыжах.
Я во сне лишь лыжи вижу
В них лечу в мечте своей...
Жаль, что лень моя сильнее.

НОСОРОГ – ЦВЕТОВОД

Жил на свете Носорог,
На носу носил свой рог.
Он выращивал нарциссы,
Незабудки и ирисы.
Каждый день их поливал,
Сорняки вокруг срывал.
В оправдание мечты
Расцвели его цветы!
Носорог нарвал букет-

Красивей на свете нет.
А кому он подарил,
Нам о том не говорил.

ОСЬМИНОГ

Однажды юный Осьминог
Решил сходить на островок.
Сказал: «На океанском дне
Давно всё надоело мне.
Хочу на землю я сходить
И всю округу удивить.
Там всюду ландыши цветут,
Над ними бабочки снуют.
Я лишь немного осмотрюсь
И в океан бегом вернусь!»
Сказал на то большой Омар:
- Ого - го- го! Какой кошмар!
Хоть у тебя и восемь ног,
Но ты всего лишь Осьминог.
Не далеко и до беды,
Ты жить не сможешь без воды!

СЛУЧАЙ ВЕСНОЙ

Вот случилось что весной
Под раскидистой сосной.
Старый Ворон прилетел
Молодой Вороне пел:
«У меня к Вам есть вопрос,
Вы подумайте всерьёз.
Вы, Варвара, так умны
Подходящи для жены!
Выходите за меня.
Выйдет славная семья.
С Вами высилим ребят –
Очень славных воронят!»
Та в ответ: «Вы очень стар.
Всё, прощайте, Ворон. Кар!»

АННА ЛУКАШЕВА

Родилась в г. Енакиево. Закончила физический факультет Донецкого Национального Госуниверситета. Работает в областной профсоюзной газете «Позиция». Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках, журнале «Донбасс». Автор книги «Синдром замочной скважины». Участница съезда молодых литераторов Донбасса – 2008 года.

БОЛТЛИВЫЙ ЕЖ.

У нас под яблоней в саду живет болтливый еж,
Но только, что он говорит, никак не разберешь.

Вчера с утра ему сказал: «О, как прекрасен мир!»,
А он в ответ одно и то же: «Фыр-фыр, фыр-фыр, фыр-фыр...»

И целый день – «Фыр-фыр, фыр-фыр» - ведет он разговор.
Домой от этой болтовни сбежал мой друг Егор.

Устали бабушка и дед, родных бросает в дрожь.
А папа с мамой говорят - еж на меня похож.

ПРУЖИНКИ

У Люды - косички, у Нины - прическа.
Им в этом всегда помогает расческа.
У маленькой Насти есть бант на резинке.
А мне не везет. Вам, поверьте, не лгу.
Торчат над ушами смешные пружинки,
И я их никак расчесать не могу.

ВЕСНУШКИ

Посадило солнышко крошечные зерна,
Поливало светом их долго и упорно.
И в начале мая, словно на опушке,
На носу у Тани расцвели веснушки.

* * *

Подарили как-то мышке
Замечательную книжку.
Мышка книжку повертела,
Но читать не захотела.
Без тарелки и без ложки
Быстро слопала обложку,
И страницу за страницей
Съела книжку, словно пиццу.
Не оставила ни крошки.
Вытирая рот ладошкой,
Вкуснота, - сказала мышка, -
Замечательная книжка!

* * *

У нас пропадают из вазы конфеты.
Их папа не любит. У мамы – диета.
К нам ночью приходит Конфетная Жрушка,
А все говорят я сластена и врушка.
Никто мне не верит, хотят наказать.
А я им никак не могу доказать,
Что Жрушка приходит, крадется к буфету
Находит в нем вазу, а в вазе конфеты.
Съедает сама их, коварная Жрушка,
А фантики прячет ко мне под подушку.

ПОРОДЫ ХИТРОХАМСКОЙ

Коты бывают разные: сибирские, сиамские,
А у меня котенок породы хитрохамской.
Ворует он сосиски и молоко из кружки,
И целый день нахально спит на моей подушке.

А вот вчера, под вечер, забрался в холодильник
И утром там мяукал, перекричал будильник.
Котенка не ругали, хоть съел он бутерброды,
Ведь это хитрохамство есть признаком породы.

АНАТОЛИЙ ЧИСТЯКОВ

Коренной горловчанин, родился 25 ноября 1960 г. Окончил Горловский политехникум. Работал проходчиком на шахте им. А.И. Гаевого. Пенсионер. Член ЛитО «Забой» с 2005 г. Публиковался в альманахах «Восхождение», «Пять стихий», в журнале «Союз писателей» (Россия). Автор трёх книг: «Каждому – свое» (2008), «Новое хобби» (2010) и «Попурри» (2010).

ХИТРАЯ НАУКА

Очень хитрая наука –
Приручить к учебе внука,
Чтобы он нигде не шлялся,
А предметно упражнялся.

Я, продав соседу скутер,
Приобрел ему компьютер,
Внук теперь под караоке
Дома делает уроки.

ДАЙ РУКУ!

В толпе людей внук вскрикнул: «Ай!»
И мне пришлось поволноваться:
- Скорее руку, дед, давай,
А то ты можешь потеряться.

НЕПОНЯТЛИВЫЙ ДЕД

Одеваю в «садик» внука,
Сев с ним рядом на кровать,
Говорю ему: «А ну-ка,
Будем туфли надевать.

Дай-ка правую мне ногу», –
Наклоняюсь чуть вперед.
Внук их путает немного
И другую подает.

Туфлю взял тогда иную,
Говоря: «Не та нога».
Внук теперь дает другую.
Я немного поругал...

Не поймет внук, что дед хочет.
Он ведь сделал все, что смог,
И испуганно бормочет:
– Дед, а больше нету ног!

ПОМОЩНИК

Был с супругою на даче,
С ней сажал картофель, лук.
Возвращаюсь, «отышачив»,
Так сказать, без ног и рук.

Рядом с нами внук, шагая,
Смотрит в небо. Облака.
Он весь день, дождем пугая,
От работы отвлекал.

Вышли вместе на дорогу,
Повстречался нам сосед:
– О, да вас сегодня много!
Чем же внук помог вам, дед?

Тот, за нами шедший следом,
Сам признался, не солгал:
– Я на даче бабе с дедом
Безработать помогал.

СЫН ЛЕНЫ

Растёт у Елены трёхлетний сынок,
А чем он особенно ценен? –
Что кто б ни спросил: «Чей ты есть, паренёк?»,
Всегда отвечает: «Я - Ленин».

АННА ШЕМАХОВА

Родилась 14 июня 1982 году в городе Горловка. Закончила Горловский ГПИИЯ. Пишет стихи, прозу, публицистику. Член Конгресса литераторов Украины, смотритель сетевого литобъединения «Стражи весны». Публиковалась в коллективных сборниках: «Зимние таинства», «Вольные стражи весны», и «Новые сказки», в альманахах: «Пять стихий», «Восторг души», «На крыльях Слова», в журнале «Страна Озарение». Автор поэтического сборника «Ход за ходом».

СКАЗКИ

ПЕСНЯ БРЕТТЫ

Усни, мой друг, среди цветов.
Над головою солнце блещет.
Усни, мой друг, среди цветов.
У ног твоих волна трепещет.
Усни, мой друг, вокруг поют
Тебе неведомые птицы.
Усни, мой друг, уже несут
Ключи от каменной темницы.
Усни, мой друг, среди цветов.
Умей мгновеньем насладиться.
Усни, мой друг, среди цветов.
Пускай тебе свобода снится.

ЛЕСНАЯ ФЕЯ

В тишине облетевшего леса,
Замирая в порыве любви,
Танцевала малышка принцесса,
Собирая в охапки листья.

И волос её лёгкие пряди
Целовал молодой ветерок.
И зелёное тонкое платье
Поднимал с её стройненьких ног.

Так кружились они до расцвета,
В строгий иней оделись дубы.

А глаза молодого поэта
Её рук целовали персты.

Он, устало к сосне прислонившись,
По ночам за их танцем следит,
Зная точно: на милого крыльях
В даль, в туманы она улетит.

И быть может когда-то напрасно
Будет ждать он их ночь напролёт,
Но любовь его к ней не угаснет
И с закатом сюда приведёт.

ИМПЕРАТОР

Он дарил ей золотые цветы,
А она любила живые розы.
Он из камня высек лик её красоты,
А она увяла, как за летом осень.
Он храм воздвиг для её души,
А она поселилась в бедной лачуге.
Только ангелы знали: безродный певец
Предназначен ей судьбою в супруги.

РЫЦАРИ И КОШКИ

Ах, когда-то рыцари пели
Под балконами милых дам.
А коты бесстрастно глядели
(Что до нежных песен котам?).

Запускали белые пальцы
Дамы в шерсть, услаждая слух.
И платили кони и зайцы
За признание мужских заслуг.

И теперь бесстрастные кошки
Так же дико смотрят на мир.
Только дамы не прячут ножки,
И гонец не трубит турнир.

ПЕСНИ КОЛДУНЬИ

1. *Русалка*

Мой бледный, бездыханный друг,
Прими кольцо, играй беспечно.
Тебе глубины подарю,
Свои сокровища и вечность.

Возьми кораллы, жемчуга,
Резные чаши, шёлк и золото.
Скажи, тебе я дорога?
Я так красива, так богата!

Да, ты изящна, ты вольна,
Золотохвостая русалка.
Но там, на суше, ждёт жена,
И с нею мне расстаться жалко.

Вино-коралл её уста,
Жемчужна шёлковая кожа,
И каждая ее черта
На сердце вырезана...

Что же, я золотом её волос
Сама невольно любовалась.
Но ветер восточку принес,
Вчера с утра она купалась.

Увидев камешек на дне,
Рисунком дивным чаровалась,
За ним нырнула... в тишине,
В моих волнах лежать осталась.

Теперь белы её уста,
Темнеет шёлковая кожа,
И растворяется черта,
И рак морской уж тело гложет.

И все же ждёт меня жена,
И с нею мне расстаться жалко.
Возьми, проклятая, кольцо,
Ты мне ненавистна, русалка.

Коль хочешь, так лежи на дне,
Как сотни до, как сотни после.
Опять одной играть мне,
Опять одной... и снова в кости.

2 Вампир

Испив миров, слегка устав, уснула
На краешке зеленого листа,
Но ночь ее зачем-то обманула,
И раньше срока солнце родила.

В багряных волнах растворились звёзды,
Лучи смягчив, рассыпались росой.
Она взметнулась, только слишком поздно,
По крыльям тихо зашуршал огонь.

3 Ведьма

У нас, у ведьм, совсем иные чувства,
Мы ощущаем в тысячу острей.
Любить, пылать – не хитрое искусство,
Удары сердца сосчитать сумей.

Когда он болен, ты болеешь вдвое,
Когда печален – и тоска втройне.
Когда он счастлив, даже не с тобою,
Ты счастлива. Сгорая на костре
Одно желать, чтоб пламя золотое
Не опалило и его в тебе.

* * *

Солнце еще холодное,
Море не настоялось,
Не расцвели магнолии,
Тихо вода качалась.

Робкий тигренок неопытный
Шел по асфальту набережной.
Милый котенок крохотный
Мягкими, мягкими лапами.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

(участники фестиваля LAB-iN-fest)

СЛОВО О ФЕСТЕ

1-2 октября в первой столице Украины - Харькове состоялся Всеукраинский открытый фестиваль поэзии ЛАВ-iN-fest. Его организаторы – коллектив журнала поэзии ЛАВА и харьковский литературный клуб АВАЛ.

Первая часть фестиваля проходила во дворе Харьковского литературного музея под звуки капель дождя и яблоч, падающих на полиэтиленовый купол. Изначально заявленный, как Всеукраинский, фестиваль получился Международным. Финалисты конкурсной программы (лаверы) собрались из полутора десятка городов, география: от Крымского полуострова до Гомельской области Беларуси, от Одессы и Винницы до Белгородского города Валуйки.

Конкурсанты представляли свои работы группами по десять человек. Перерывы заполнялись выступлениями гостей и музыкальными номерами. Общались, пили чай, кофе и другие горячительные напитки, братались и обменивались книгами.

На второй день лаверы совершили автовыезд в Чугуев, на родину выдающегося художника Ильи Репина. Там состоялась великолепная экскурсия по Галерее современных искусств, где выставлены работы авторов, получивших в разное время премию имени Репина.

Следующим пунктом следования по Чугуеву был культурный центр «Имидж». Там уже по сложившейся традиции был проведён поэтический слэм-турнир.

А затем поэтическая орда вернулась в Харьков, где в городском планетарии под «ночным» небом прошло торжественное награждение и гала-концерт победителей. Независимо от дипломов и занятых мест, все участники согласились, что фестиваль удался. Хочется поблагодарить редактора журнала «Лав» Богдана Анта, менеджера Клуба – Виталия Ковальчука и автора проекта АВАЛ Андрея Костинского, которые организовали такой литературный праздник.

Предлагаем читателям альманаха работы некоторых участников харьковского поэтического действа.

ВЕРА АГАРКОВА

Родилась 19 февраля 1982 года в с. Биллингс Магаданской области. Живёт в пгт Старобешево, Донецкой области. Журналист районной газеты «Новая жизнь», обладатель премии «Золотое перо Донбасса», участница и победительница нескольких конкурсов литературного и журналистского мастерства, в том числе областного конкурса имени Николая Рыбалко, молодежного творчества «Взгляд в будущее», участница Всеукраинского фестиваля поэзии «Каптановый дом» 2005 года.

Печаталась в альманахах Донецка и области, Запорожья, Киева, Житомира; в журналах «Страна Озарение», «Лава». Автор сборника стихов «Отшельник».

когда ты смотришь куда-то
даже не на меня – в окно электрички
на проходящую мимо девушку в ярком платье
на спичку, летящую мимо урны
на проплывающий мимо всех нас, закуренный, заваленный
мусором мир
похожий на полуподвал
когда ты рассуждаешь о фатуме, значении черных дыр
о римской империи – и в особенности о калигуле –
о поэтическом строе и фальшивости всех религий
достоевском и текстах сплиновских песен
и сквозь всё на свете – о неумолимости *нашего* времени
я ведь всё равно знаю, всё равно – верю свято
что «здесь» и «сейчас» – понятия относительные, так же как
«нет» и «да»
сколько бы мы не были вместе по мнению потертого циферблата
«мы» – это уже навсегда

ИСХОД

твоя тень просидела в плену у меня полгода –
но свободна теперь
моя несвободная совесть

начинает курить и дописывать повесть
о снах
отпускает всех тех, кто так и не стал ее другом
мы свободны – по кругу –
чувствуешь
холод в руках?

память тела

память тела прорастает в пальцах
даже когда в сердце – ничего
то на пальцах остаётся глянец
чьей-то кожи –
пальцы помнят всё

даже если утром будет стыдно
пальцы ночью делают своё
и пускай чужим глазам не видно
твои пальцы – мой былой позор

память тела глубже, чем под кожей
пальцы помнят, но душа не может
не желает больше прошлым жить

только – знаешь? – пальцы – это тоже
часть моей – и часть твоей – души

пазл

трубкой капельниц связаны, сшиты, кровим
по полам и по тумбам – столетняя пыль
дневников недописанных пазлы, картин
недожитых любовей, невыпитых вин
всё – в квадрате зеркальном – рассыпано, стерто
мы разложены кем-то на койках вдоль комнат
в коридорах больничных, в каталках, вдоль стен
доктор ищет упрямо пульсацию вен – пазлы жизни –
в ритме нестройном
доктор врёт и лечит простуду
пусканием крови

лопнул сосуд в глазном яблоке
мир окрасился розовым
сон – осенью, ночь – кровью
день – ягодной россыпью звёзд
хныкать-то поздно – время уже вытекло слёзной
капелькой
не бойся, маленький
держишься крепче – мама купит новую вечность

ты всегда любил гумилёва

почитать тебе вслух?
вдруг
ты еще помнишь мои любимые?
наверняка – забыл
я и не спрашиваю, а так – ностальгирую
ни о чем, шепотом, неумело
просто однажды мне показалось, что мы с тобой – одно целое
а на деле – в заплатах
но ты ведь всегда любил гумилёва, а я ахматову

останься

росой рассветной
капелькой живой
заветным именем, слезой
дыханьем ветра, отблеском огня –
останься на губах
собой
так глубоко струящимся в меня

лес

лес. до небесраспятие. иду папертью
все скиты заперты
ни божьего слова, ни святой тропы
я не знаю молитв новых
и шепчу – свои

БОГДАН ГОЛОВЧЕНКО

Родился в 1980 году в городе-герое Киеве. В 2004 году окончил Национальный Авиационный Университет. Работает авиационным логистом.

В 2008 увидела свет книжка стихов «Софистика. Мудрствуя лукаво», а в начале 2010г. – второй сборник «Хоботомия». Публикации в журналах и в сборнике клуба киевских поэтов «Киев поэтажний. Эсперанто многоточий». Готовится к выходу третий поэтический сборник.

ЗОРЯНА КАНОНАДА

Коли сидиш над прірвою в диму ледь стримуючи напади нудоти,
Вдивляючись у опівнічну млу, де біснуваті друзі-ідіоти

Шаманські мандри згадують твої, стає на мить примарно зрозумілим,
Що зірки на морським глибокім дні зірвалися з хиткого небосхилу

Аж зовсім не даремно, й залюбки прохаючи тебе замружить очі
І відпустивши серпню всі гріхи, заледве впасти в простір злої ночі!

Підтримати веселий зорепад сміливим прикладом, миттєво загубивши
Останні мізки на посталих в ряд зубатих скелях у солоній тиші!...

...Не ворухись... Летить іще одна – вона тебе підслухала напевне
І зістрибнула з свого анти-дна – лови її руками й пести ревно!

Та потім знову хочеться хильнуть, піти до друзів, щоб із ними пихнуть
І зірку показати їм свою – загадане - здійсниться! Світ затихне...

ХІІІ

Вже сходить до вересня літо
Туса доїдає арбузи,
Ось-ось позатягнуть кобіти
Спіднички у гордіїв вузел.

В просякнутім спекою місті
Ждуть осені співгромадяни...
А раптом, як змитись кудись, то
Негода нас там не дістане?!

Заглибитись в сонячні луки,
А чи до солоного моря.
Заритись у жито по вуха
Посеред бескраїх просторів,

І літо вдихати на повні
Подалі від бранців прогресу,
Упевнено і безумовно
Прийнявши цю вільну аскезу!

Вже й жовтень стирчить на порозі,
А нам, поза всі забобони
Він кайф зіпсувати не в змозі -
Ми понад природнім законом!

* * *

Стихи рождаются с недобрыми вестями,
А упокоенные нервы не поют.
И, лишь на шею водружённый камень
Способен обернуться в изумруд.

Не так важны житейские потехи,
Чтобы предстать рифмованной строфой.
Ни дать ни взять с них ни полукопейки!
Что толку в них искать мирской покой!?

Иным, пожалуй, ценностям подвластно
Вернуть из мрачного забвенья анапесты,
Заврачевать все творческие спазмы
И музе крылья водрузить на прежнем месте.

Достаточно встряхнуть сильнее меры
Чтоб воскресить задатки графомана...
...На потрясенья падкие натуры
У рыцарей Гранённого Стакана.

ПОСЛЕВКУСЬЕ

Но, обернувшись восвояси,
Припустишь ты за чем-то добрым,

Не устыдясь и не боясь,
За чем-то тёплым и комфортным,

За чем-то искренне простым...
Но, не достаточно довольна...
Смотрю на лёгкий танец спин,
Ты знаешь,
А ведь это БОЛЬНО!

Я ощущал тебя не вдруг,
Не с полпинка и не за дело.
Ты - надувной мой полукруг,
Быть "полу-" ты не захотела.

И я ведь, право, не хочу
Полуприкрытых полуласок,
Да только про себя кричу
От бесполезности отмазок.

Ведь этот сумеречный брят
Не требует пустых проверок,
Я просто по тебе... курю...
Оправившись от перестрелок.

ИНФАРКТУ МИОКАРДА

Бескорыстливый, предубежденный,
Рванный ритм поперхнувшимся сердцем
Выдан в свет без надежного тона,
Ненадежным, казалось бы, скерцо.
Захлестнувшийся сладкими снами,
Подбочения, и выйдя из тени,
Он, едва поздоровавшись с нами,
Ухмыляясь считает потери.
Что сказать ему неподходящим,
Неумело построенным слогом?
Нам всегда стоит помнить о чаше!
Мы в ответе за наши дороги!
Предоставленный собственным грустям,
Миокард, ошалев от погоды,
Принимает за правду искусный
Перегруз бессердечной икоты.

Успокойся, игривая мышца,
Я лишь в шутку тебя раззадорил,
Отвлекаясь от планов всевышних,
Беззастенчиво Сказку позоря.
Ты силен, а я стерв и бесстыден,
Ты ритмичен и праведно точен,
Ты держись! Наш конец непредвиден!
Ну а я... постараюсь... без ключев...

CIRCLE OF LIFE

Будильник глядит из-под майки,
Вчера мной забытой на стуле,
Готовится радостно гаркнуть,
Но смотрит с опаской - не сплю ли?
Он помнит, как больно об стену
Влететь утрецом с полудрёмы,
Смутив меня писком презренным
И вырвав из сонной истомы!
Второй - на столе, подбоченьясь,
Послушный упрямому утру,
Глядит обреченно на тени
Ползущие тихо, как будто
Боец со взведенной гранатой.
Но... За миг до условного часа
Я, глаз открывая, зеваю
С Морфеем прощаюсь, и баста! –
Секунды запрыгали гулко,
Вот чай, вот трусы, вот подтяжки-
Ступеньки-маршрутка-компьютер-
Е-мейлы-запара-пустяшный
Пустой разговор псевдонужный-
Катлета-газета-не важно,
И снова маршрутка-дорога-
о,5-оклемался немного-
Друзья-накидался порядком-
Такси, чтобы без пересадки-
Подружка-гитара-“сухарик”-
Стихи-Contex-снова в ударе...
И тень по стене - без утайки -
Будильник глядит из-под майки...

ГАЛИНА ДОЛГОПОЛОВА

Родилась в Архангельской области. Живёт в г. Валуйки на Белгородчине. Закончила филфак Воронежского университета, работала учителем русского языка и литературы, а ныне – корреспондент районной газеты. Дипломант фестиваля ЛАВ-iN-fest.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Утро декалитрами озона
Голову напрасно освежало.
День - сорняк с английского газона.
День - осы вонзившееся жало.

Я сознание в кофе утопила,
С утренним – уже шестая чашка.
Принтер на глазах лишился силы,
Выдав непечатную бумажку.

Смысла нет с дремотою сражаться,
Я в плену и не переживаю.
Мне же надо где-то отдышаться.
Вот придёт весна... А я – живая!

АНЕ. ПРОЩАЛЬНОЕ

Регистрация, регистрация, регистрация в Шереметьево...

Не внезапно, а по графику,
Утверждённому заранее,
Увезли Анюту в Африку
До нескорого свидания...

Утром, собираясь с силами,
Ей плела косичек дюжину,
Завтраком её кормила я -
Где же будет Аня ужинать?

Шапочку подальше спрячу я,
Спрячу варежки пуховые.
Всё теперь переиначено -
Будут и наряды новые.

Там, где не в почёте валенки,
Там, где солнце – полной чашею,

Трудно вспомнить город маленький,
Трудно оставаться НАШЕЮ...

Не снежинки мохнолапые,
Не осенних дней пронзительность -
Ей подарят мама с папою
Африканскую действительность.

Там, где жарко, где экзотика,
Там совсем другие бабушки.
На ночь не поют про котика,
Не играют в наши ладушки.

... Не услышала ответа я,
Что-то не сказала – главное...
Возвращайся, моя светлая.
Аwa-Анна, православная.

* * *

Никогда, никогда я не сяду за руль «Мерседеса»,
Никогда не смогу червяка насадить на крючок,
Никогда я в себе не потешу внезапного беса,
Потому что всему есть положенный временем срок.

Никогда не смогу изучить бамбара в совершенстве,
Хоть давала себе обещанья – и даже не раз.
Никогда не смогу задержаться в опасном блаженстве
От сиянья каких-нибудь страстью пылающих глаз.

Я хожу с рюкзачком – по-тинеиджерски, даже по-детски,
И в дешёвенькой курточке кроется дерзостный прок...
Только в паспорте год – неприлично для многих советский,
Потому что всему есть назначенный временем срок...

Но глядит на меня моя взрослая дочка сурово
(Ах, какие глаза... И откуда они у неё?)
- Мы идём на каток! Ну а ты до сих пор не готова!
Сколько можно сидеть, и вздыхать, и страдать... Ё-моё...

И катаемся мы, и облеплены снегом. Хохожем.
И весь вечер проходит на бис, на попа, на ура...
Я насчёт червяка, «Мерседеса» и бесов - не очень...
А насчёт бамбара? Почему не учить бамбара?

АЛЕКСАНДР КУРАПЦЕВ

Родился 18 апреля 1981 в городе Дзержинск. Окончил 11 классов, три ПТУ, освоил с десяток профессий. Пишет стихи, песни, рассказы. Играет в рок-группе местного разлива, любит шахматы. Член сетевого литературного объединения «Стражи весны» и Конгресса литераторов Украины. Публиковался: в городских и всеукраинских периодических изданиях, в литературных журналах «Страна Озарение» (Новокузнецк), «СклянкаЧасу» (Канев), альманахах «Пять стихий» и «На крыльях Слова», коллективных сборниках «Зимние Таинства», «Чёрные рыцари Донбасса» и других.

Тень вытирается об асфальт,
Становится слишком тонкой,
Но даже выпавшая в окно
Продолжает ползти.
Мы разучились латать рукава
Рек, что руками скомканы,
Мы научились стоять стеной,
Чтобы стеной идти.

Это не правда, это не ложь,
Это зовётся гармонией,
Тень, выпадая в твоё окно,
Быстро теряет власть.
Время зовёт, а в кармане нож
Или сульфат аммония,
Мы научились бежать стеной,
Чтобы стеной упасть.

Это город героев, махатм и шахт,
Здесь себя повторит каждый вздох и шаг.
Даже время стоит, но часы спешат,
Подгоняемые смертным боем.

Здесь горшки грешат, а вершки – вершат,
Не спеши спешить – за тебя решат,
И кого пришить, и куда нажать,
Под какую лежать горою.

Я не видел гибельней этих мест,
У Христа отняли последний крест
И поют осанну – читай: «the best» –
И под этим «the best» заркоут.

Этот город есть, этот город ест,
От него не спасает пустой подъезд,
Хоть кричи до самых седьмых небес,
Осенья себя строкою.

ЛИСТЬЯСЛОВ

Я проживаю себя за минутой минуту,
Переживаю, прожёвываю, живу,
Варится время в соку, сокровенной цикуты
Пьётся. И пьёт из меня за строкою строку.
Неутолимая жажда желанного яда:
Пересыхают во рту со слюною слова,
И шелестят, и хрустят, чтобы, вырвавшись, падать
Пылью и золотом под ноги, словно листва.

ЕГОРИЙ

Рыба кричала в море,
Слушал ее Глухой,
Рыба звалась Егорий,
Море звалось Ухой.
Кто-то ловил картошку,
Кто карасей, кто кайф,
Выпачканную ложку
Вытерев об рукав.
Кончилось все сначала,
А началось в конце,
Рыба себе кричала,
А в золотом дворце

Сахарный император,
Веря в надежность стен,
Таял, ругался матом,
Не достигая дзен:
Что же ты, брат Егорий,
Эдак разинул пасть?
Видишь на небе море?
Хочешь туда попасть?
Чем тебе, сукин отрок,
Наша вода плоха?
Море на небе мокро,
Море везде Уха!
И не понять, Егорий,
Будь ты хоть сам Глухой,
Тихо когда на море,
Сёрбает кто Ухой?

ДУРАК

Стол.
На столе дурак,
в рукаве тузы,
в голове пузырь,
у виска жужжит,
жалит жопа-жизнь,
лег на глаз пятак.
Мы сидим-тусим – сами себя едим.

Ствол.
Деревянный дождь –
это тот же бог
без лица, без ног,
онемел, оглох,
ни хорош, ни плох,
как живой, точь-в-точь.
Выпались, согрелись – сами собой съелись.

ИВАН НЕЧИПОРУК

Родился в 1975 г. в городе Горловка. Заочно закончил филологический факультет Славянского ГПУ.

Публиковался в альманахах, коллективных сборниках, в литературных журналах Украины, России, Молдовы и Австралии. Автор нескольких книжек стихов. Член Международного Сообщества Писательских Союзов (МСПУ), Горловского литобъединения «Забой» и Международного клуба православных литераторов «Омилия». Участник сетевого лито «Стражи Весны».

Тикки III.

Ты врываешься в мир мой из светлой страны идиотов,
Воспевая уродов и пение чёрных ворон.
И меня увлекает твой голос в сырое болото,
Где тяжёлые образы, словно застывший гудрон.

Все твои короли и пажи, проститутки и донны,
Словно с древних порочных и мрачных полотен сошли,
Ты снисходишь до них, извлекая из ямы бездонной,
Обличая пороки безумной старухи-Земли.

Одичалый вечер
ясени встревожил,
В лужах пепел звёздный
превратился в рябь.
Я бреду, беспечно-
суетный прохожий,
Ищущий надежду
в свете фонаря.

Со стола чужого
надоели крохи,
Отпускаю в небо
всех ручных синиц.
Сдвинулись в пространстве,
растворились строки,

Превратились музы
в пустоту страниц.

Потому блуждая,
вновь в июнь вливаюсь,
Все свои сомненья,
отгоняя прочь.
Так за годом год,
падаю и каюсь,
И опять в надежде
отправляюсь в ночь.

ЗВЕРЬ

От вещи, во тьме приходящие...
Пс. 90

Он приходит, когда я бессилен и слаб,
В час, когда я собой недоволен,
И я чувствую звуки крадущихся лап,
Эта поступь знакома до боли.

Этот зверь, не стесняясь, ложится у ног
И мурчит, как апрельское солнце,
И с приходом его я не так одинок.
Зверь мой Завистью Чёрной зовётся.

Не утешить пришёл, он – явился терзать,
Мой уклад разорвать, мир нарушить.
Вроде ласков и добр, только волчьи глаза,
Словно стрелы, вонзаются в душу.

Я по холке устало поглажу рукой,
Нет, дружок, не окончена битва!
Чтобы зверя прогнать, я, строка за строкой
Истоплённо читаю молитву.

Этот вечер беспечный
тоскою не обременён,
Лувр, как прежде, сверкающ,
и присно-помпезно наряден.
Мимо светлых картин
да искрящихся мощью имён,

Вы проходите, бегло
бросая спокойные взгляды.

Но сегодняшней целью –
кус хлеба, бутылка вина –
Символ веры несчастных,
подобие жалкое пира...
И вот с этого серого
старого полотна
Ты почувствуешь крах
своего монолитного мира.

Сизо-холодная ночь,
таинство снегопадения,
Звёзды, снежинками став,
кружат в лучах фонаря.
Ветви деревьев смурных –
словно безумные тени,
Тянутся –
робкую душу объять января.

СВЕТЛО В МОЕЙ ДУШЕ!!!

А вы, друзья,
не поняли меня.
Мой свет души
назвали декадансом,
Не постигая
ясности огня,
Не обратив вниманья
на нюансы.

Друзья мои!
Когда в сердцах темно,
Напрасно свет искать
в чужих страницах.
Душе моей,
предсказывая дно,
Вы не заметили полёта
светлой птицы!

Остывших дней я не страшусь. Теплом
Моё аккумулировано сердце,
И не боюсь я в зеркала смотреться,
Ведь полон света мой невзрачный дом.

Не рвусь на сцену. Шутовской парад
Не увлечёт меня в безумство влиться,
Где люди забывающие лица,
Из дыма строят зыбкий вертоград.

Слегка коснувшись зазеркалья дня,
Я умываю, не смущаясь, руки.
В тот ложный мир, нелепый призрак скуки,
Уже не сможет заманить меня.

СПАСЕНИЕ

Елене Н.

Мой хрупкий мир – неведомый икс-фактор,
Я в лабиринтах снов своих исчез,
Дрожит души испорченный реактор
И ждёт меня авария АЭС.

И будет взрыв: эмоции взорвутся,
И радиация тоски превысит фон...
Но стоит мне руки твоей коснуться –
И верю сразу в то, что я спасён.

КОЛОС

Я колос пшеничный, нас море, но я здесь один.
Один не сгибаюсь под ветром и тяжестью зёрен.
В стремлении к солнцу я принципиально упорен,
И в верности свету, давно сам себе господин.

И пусть по-холопски собратья склоняются вниз,
Судьба – не подарок: и ветром, и градом нас било.
Но если я слышу бряцающий лязг мотовила,
Я твёрдо уверен – прогнуться, не значит спастись.

ВАРЯ ПЕРЦЕВА

Родилась 22 сентября 1990 года в г. Одесса, где и живет по сей день. Студентка Одесского медицинского университета. Участница и победительница нескольких конкурсов литературного мастерства, в том числе «Срібне слово»; «Таланти твої, Україно!»; «Каждый может испытать себя» в школьные годы. Печаталась в Одесских газетах и альманахах; в журнале «Лава». Дипломант фестиваля ЛАВ-iN-fest.

живи достойно

добавить к сказанному - нечего
день/ночь - как междузубья гребешка
падение взлету уступило место
я не пустила в жизни корешка...
кому-то каторга, а мне - фиеста
летим по жизни словно гончий к нам
приставлен - чтоб следил или поймал
иль в ритме дышим, плачем, говорим
а если нет? - нас рви на лоскутки
мы своеволье кровью умирим
рассветы выстраданные - в закутки
закаты - на костры, в котел чтоб он чадил
Тогда со свистом гибкой словоплетью
коснусь твоих неоголенных плеч
но не надейся, боль не ощутишь
по рукоять как ты мне буквомеч
всажу в сердечко..правда ведь простишь?,
как я тогда, теряясь в междометьях
жизнь коротка, вживись в нее послойно
из сотни сот найди тропу одну
зеленый лабиринт святой судьбы
Откройся свету, опустись ко дну
Твори добро не жди лишь похвалыбы
Одно из двух...одно тебя достойно

Я— чело...

Я— куколка на паутинке жизни
как на качелях ветровых то вверх то вниз
весной не сыщите вы бабочки капризней

узор раскрытия на синем фоне сиз
я— седокрылый негретенок муравей
несу на плечиках крупинки цвета
сними меня фотограф покрупней
дистанцию пути урежь до метра
я— богомол зеленотравый рыцарь
приспособленец, адаптант, жилистокрылый принц
похолодало— надеваю изумрудный свитер
и стебленного с ветки спрыгиваю ниц
я – стрекоза. Я— лучшая в коллекции
с кувшинки на листок с травинки на цветок
в роду всегда был блеск, Бог не вносил коррекции
я— человек , в строфе не уместить
бываю телом слаб /силен душой
могу навыворот всю жизнь пронять
и трусость с мудростью порой затеет бой
за кем победа— выбор лишь за мной
перламутрово манит душа-награда
просушивает крылья прячась за спиной
свобода с верою всему одна улада
лети.печаль...лети.../

без с-казки

из радио плеск волны
колени греет Рождественский
мыслей роятся сонмы
о сказочно-сверхестественном
о путешествиях по мирам
оседлав космических равликов
в края философов лам
в кукольный мир Щелкунчика
туда, где никто не болен
там на лицах цветут улыбки
не слышатся чьи-то стоны
и счастье не кажется зыбким
В Одессе хрипит жара
Москву огорошил холод
под кожей текут поезда
предчувствуя пульса молот
А сказка горит внутри
у каждого пока молод?

на кнопку "save" надали
в крови навсегда солод
как жаль, что не только свет...
и тень ковром за порогом
ведь трудно оставить след
на земле под души предлогом
на пристани реет туман
сочит паруса, косит ноги
будь проклята ночь, когда Хан
на сон променял Единорога...

БУРЯ

Раздавила БУРЯ ягоду-солнце
раскаплев красноречием по небу соки
В пылу жары водонебь я возьму за полцень
брюзгливо разгрожу межтучно склоки

От возмущения в чернильно-черн расбухли
в печальной влажности слезоточили дождь
Спасутся в одиночии деревья ль?
ботинки чавкая следами топчут сладж

надНебный короед прогрыз все зубы
разградем сыплятся они к земле
охрипшим гулом грошат громотрубы
как будто призывают быть смелей

Ворвется стрелками курсор-пронизав-ветер
с травы и крыш снимая сливки пыли
там где-то носится степной Ынжю Ретев
колосчато щетиня волосы ковыль

Вот бы скорей пуститься в путь
прочнее прочь сквозь ржавость времени
персидским ковриком нам жизнь откроет суть
узором равнодушье станет бременем

В палитру свежесть цвета ураганно
мешаю краски дней в лучах палящих
песочные часы остановились... как желанно
чтоб шли... А смерть пока отложим в долгий ящик...

СОДЕРЖАНИЕ

НАТАПІЯ КОВАПЬСЬКА.....	4
ІРИНА КУЗНЕЦОВА (ГРУЗДЕВА).....	8
ВІКТОРІЯ ПОПЯКОВА.....	8
АННА ВОИНОВА.....	14
ИВАН ВОПОСЮК.....	17
АЛЕКСАНДР ГРОСОВ.....	19
НАТАПІЯ ДЕМЧЕВА.....	22
ОКСАНА ЕГОРЦЕВА.....	25
АНДРЕЙ ИКРИН.....	28
ЕПЕНА КОЗЫРЬ.....	30
ЕКАТЕРИНА РОМАШУК.....	33
МАРИНА СУХОТЕПОВА.....	36
СЕРГЕЙ ЧАЙКИН.....	38
АПЕВТИНА ЕВСЮКОВА.....	42
ЛЮБОВЬ КУТКОВАЯ.....	47
АЛЕКСАНДР ТОВБЕРГ.....	52
ОКСАНА ТУРЧЕНКО.....	57
ИВАН ДОБРУСИН.....	66
АЛЕКСЕЙ КОПОМИЦ.....	68
ОПЬГА РЕВА.....	71
ЕПЕНА СТАРКОВА.....	74
ТАТЬЯНА ЯНГУПОВА.....	77
ГАПИНА ИВАНОВА.....	82
АННА ПУКАШЕВА.....	85
АНАТОПИЙ ЧИСТЯКОВ.....	87
АННА ШЕМАХОВА.....	89
ВЕРА АГАРКОВА.....	95
БОГДАН ГОПОВЧЕНКО.....	98
ГАПИНА ДОЛГОПОПОВА.....	102
АЛЕКСАНДР КУРАПЦЕВ.....	104
ИВАН НЕЧИПОРУК.....	107
ВАРЯ ПЕРЦЕВА.....	111

*Літературно-художній альманах
«П'ять стихій» випуск другий
Російською та українською мовами*

Видання здійснено на умовах залучення коштів авторів.

Художні твори друкуються у авторській редакції.

Обкладинка, електронний макет, збір матеріалів – І.А. Черняєв

Малюнок на обкладинці – Ірина та Галина Іванови

Редколегія: І. Нечипорук,

А. Шемахова,

І. Волосюк,,

І. Кузнецова

Триває збір матеріалів на літературний альманах «П'ять стихій», на основі самофінансування. Альманах виходить у світ відповідно наповнюваності матеріалом об'єму в 120-130 сторінок А5 формату.

Матеріали приймаються після позитивного рішення редколегії. Редакція має право відмовити автору, без зазначення причин, і не вступати в листування. Заявки приймаються на електронну п/с: **5stih@bk.ru**

І ось, дорогі друзі, перед вами новий випуск альманаху «П'ять стихій». Враховуючи, що у нас з'явився побратим - харківський журнал «Лава», який структурно ділиться на п'ять стихій, ми вирішили цього разу трохи відхилитися від традицій, поекспериментувати, відійти від стереотипів, і присвятити цей випуск одній стихії - Води. У наступних випусках альманаху ми продовжимо знайомство з нашими авторами, за допомогою інших стихій.

Перша частина «Витоки», яка відкриває альманах - присвячений українській поезії, друга, ім'я якої «Течія» - простір для поезії російської. Третій розділ, який представляє прозу, називається «Русло», а в четвертому розділі роботи молодих авторів - це «Притоки». Рубрика у якій зібрано сузір'я творів для дітей - це «Джерела». І як відлуння знайомства з журналом «Лава» та клубом «АВАЛ», окремий розділ «Межиріччя» надає слово декотрим учасникам фестивалю «ЛІАВ-iN-fest» - 2011.

Формат 60x84/16.

Гарнитура Arial Narrow, Georgia. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 5,05. Обл.-вид. арк. 4,54

Наклад 300 прим.

*Відгуки чекаємо на електронну п/с.: **5stih@bk.ru***

Донецьк, «Регіна», Клуб творчої інтелігенції «Світоч».

Колективне підприємство «Горлівська друкарня»

84617, м. Горлівка, вул. Горького-50.